

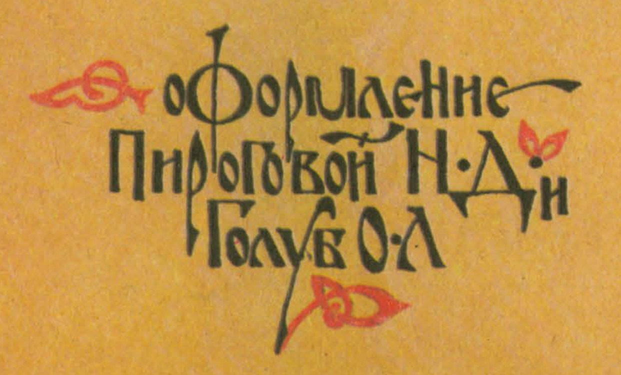
БЫЛИНЫ

Нижне-Волжское
книжное
издательство

Волгоград
1987

82.3Р-6
Б95

Вольга и Микула Селянинович

КОГДА воссияло солнце красное
На тое ли на небушко на ясное,
Тогда зарождался молодой Вольга,
Молодой Вольга Святославович.

Как стал тут Вольга растеть-матереть,
Похотелося Вольге много мудрости:
Щукой-рыбою ходить ему в глубоких морях,
Птицей-соколом летать ему под о́болока,
Серым волком рыскать да по чистыим полям.
Уходили все рыбы во синии моря,
Улетали все птицы за оболока,
Ускакали все звери во темныи леса.
Как стал тут Вольга растеть-матереть,
Собирал себе дружинушку хоробрую:
Тридцать молодцов да без единого,
А сам-то был Вольга во тридцатыих.
Собирал себе жеребчиков темно-кариих,
Темно-кариих жеребчиков нелегченых.
Вот посели на добрых коней, поехали,
Поехали к городам да за получкою.

Повыехали в раздольице чисто поле,
Услыхали во чистом поле оратая,
Как орет в поле оратай, посвистывает,
Сошка у оратая поскрипывает,
Омешики по камешкам почиркивают.

Ехали-то день ведь с утра до вечера,
Не могли до оратая доехати.
Они ехали да ведь и другой день,
Другой день ведь с утра до вечера,
Не могли до оратая доехати.
Как орет в поле оратай, посвистывает,
Сошка у оратая поскрипывает,
А омешки по камешкам почиркивают.
Тут ехали они третий день,
А третий день еще до пабедья.
А наехали в чистом поле оратая.

Как орет в поле оратай, посвистывает,
А бороздочки он да пометывает,
А пенье-коренья вывертывает,
А большие-то каменья в борозду валит.
У оратая кобыла соловая,
Гужики у нее да шелковые,
Сошка у оратая кленовая,
Омешки на сошке булатные,
Присошечек у сошки серебряный,
А рогачик-то у сошки красна золота.
А у оратая кудри качаются,
Что не скачен ли жемчуг рассыпаются.
У оратая глаза да ясна сокола,
А брови у него да черна соболя.
У оратая сапожки зелен сафьян:
Вот шилом пяты, носы востры,
Вот под пяту-пяту воробей пролетит,
Около носа хоть яйцо прокати.
У оратая шляпа пуховая,
А кафтанчик у него черна бархата.

Говорит-то Вольга таковы слова:
— Божья помочь тебе, оратай-оратаюшко!
Орать, да пахать, да крестьянствовати,

А бороздки тебе да пометывати,
А пенья-коренья вывертывати,
А большие-то каменья в борозду валить!

Говорит оратай таковы слова:
— Поди-ка ты, Вольга Святославович!
Мне-ка надобна божья помочь крестьянствовати.
А куда ты, Вольга, едешь, куда путь держишь?

Тут проговорил Вольга Святославович:
— Как пожаловал меня да родной дядюшка,
Родной дядюшка да крестный батюшка,
Ласковый Владимир стольно-киевский,
Тремя ли городами со крестьянами:
Первым городом Курцовцем,
Другим городом Ореховцем,
Третьим городом Крестьяновцем.
Теперь еду к городам да за получкою.

Тут проговорил оратай-оратаюшко:
— Ай же ты, Вольга Святославович!
Там живут-то мужички да всё разбойнички,
Они подрубят-то сляги калиновы
Да потопят тебя в речке да во Смородине!

Я недавно там был в городе, третьёго дни,
Закупил я соли цело три меха,
Каждый мех-то был ведь по сто пуд...
А тут стали мужички с меня грошей просить,
Я им стал-то ведь грошей делить,
А грошей-то стало мало ставиться,
Мужичков-то ведь больше ставится.
Потом стал-то я их ведь отталкивать,
Стал отталкивать да кулаком грозить.
Положил тут их я ведь до тысячи:
Который стоя стоит, тот сидя сидит,
Который сидя сидит, тот и лежа лежит [1].

---

[1] Кто стоял, тот стал сидеть, кто сидел, тот стал лежать.

Тут проговорил ведь Вольга Святославович:
— Ай же ты, оратай-оратаюшко,
Ты поедем-ко со мною во товарищах.

А тут ли оратай-оратаюшко
Гужики шелковые повыстегнул,
Кобылу из сошки повывернул.
Они сели на добрых коней, поехали.
Как хвост-то у ней расстилается,
А грива-то у нее да завивается.
У оратая кобыла ступью пошла,
А Вольгин конь да ведь поскакивает.
У оратая кобыла грудью пошла [1],
А Вольгин конь да оставается.

Говорит оратай таковы слова:
— Я оставил сошку во бороздочке
Не для-ради прохожего-проезжего:
Маломощный-то наедет — взять нечего,
А богатый-то наедет — не позарится,—
А для-ради мужичка да деревенщины.
Как бы сошку из земельки повыдернути,
Из омешиков бы земельку повытряхнути
Да бросить сошку за ракитов куст.

Тут ведь Вольга Святославович
Посылает он дружинушку хоробрую,
Пять молодцов да ведь могучиих,
Как бы сошку из земли да повыдернули,
Из омешков земельку повытряхнули,
Бросили бы сошку за ракитов куст.

Приезжает дружинушка хоробрая,
Пять молодцов да ведь могучиих,
Ко той ли ко сошке кленовенькой.

---

[1] Кобыла пошла грудью — тихой рысью.

Они сошку за обжи вокруг вертят,
А не могут сошки из земли поднять,
Из омешиков земельки повытряхнуть,
Бросить сошки за ракитов куст.

Тут молодой Вольга Святославович
Посылает-от дружинушку хоробрую
Целым он ведь десяточком.
Они сошку за обжи вокруг вертят,
А не могут сошки из земли выдернуть,
Из омешиков земельки повытряхнуть,
Бросить сошки за ракитов куст.

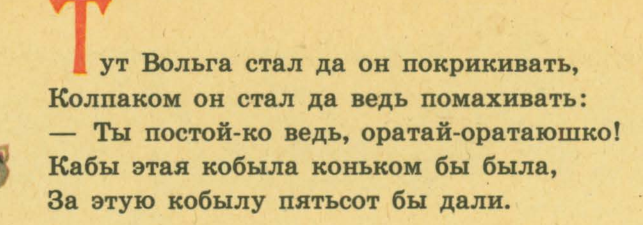
И тут ведь Вольга Святославович
Посылает всю свою дружинушку хоробрую,
Чтобы сошку из земли повыдернули,
Из омешиков земельку повытряхнули,
Бросили бы сошку за ракитов куст.
Они сошку за обжи вокруг вертят,
А не могут сошки из земли повыдернуть,
Из омешиков земельки повытряхнуть,
Бросить сошки за ракитов куст.

Тут оратай-оратаюшко
На своей ли кобыле соловенькой
Приехал ко сошке кленовенькой.

Он брал-то ведь сошку одной рукой,
Сошку из земли он повыдернул,
Из омешиков земельку повытряхнул,
Бросил сошку за ракитов куст.

А тут сели на добрых коней, поехали.
Как хвост-то у ней расстилается,
А грива-то у ней да завивается.
У оратая кобыла ступью пошла
А Вольгин конь да ведь поскакивает.
У оратая кобыла грудью пошла,
А Вольгин конь да оставается.

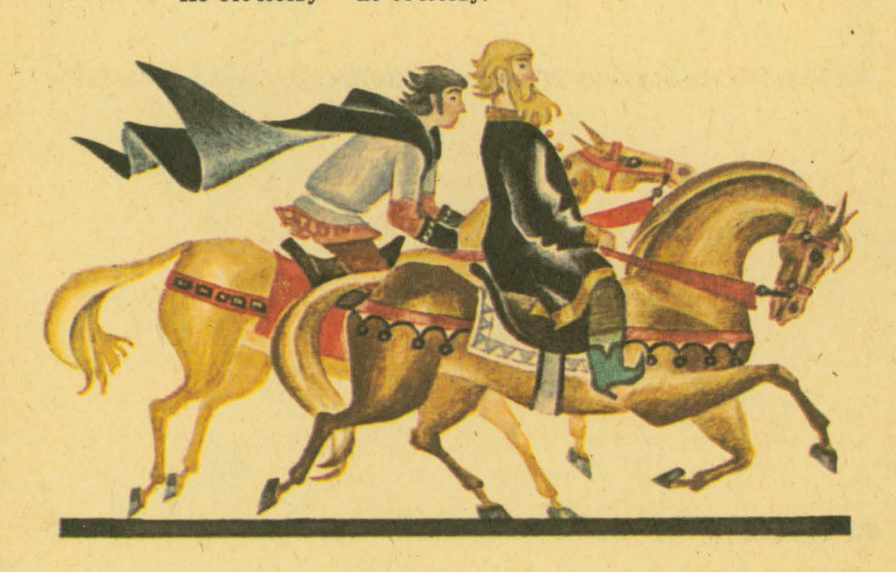

Тут Вольга стал да он покрикивать,
Колпаком он стал да ведь помахивать:
— Ты постой-ко ведь, оратай-оратаюшко!
Кабы этая кобыла коньком бы была,
За этую кобылу пятьсот бы дали.

Тут проговорил оратай-оратаюшко:
— Ай же глупый ты, Вольга Святославович!
Я купил эту кобылу жеребеночком,
Жеребеночком да из-под матушки,
Заплатил за кобылу пятьсот рублей.
Кабы этая кобыла коньком бы была,
За эту кобылу цены не было бы!

Тут проговорит Вольга Святославович:
— Ай же ты, оратай-оратаюшко,
Как-то тебя да именем зовут,
Нарекают тебя да по отечеству? [1]—
Тут проговорил оратай-оратаюшко:
— Ай же ты, Вольга Святославович!
Я как ржи-то напашу да во скирды сложу,
Я во скирды сложу да домой выволочу,
Домой выволочу да дома вымолочу,
А я пива наварю да мужичков напою,
А тут станут мужички меня похваливати:
«Молодой Микула Селянинович!»

[1] По отечеству — по отчеству.

Садко

В СЛАВНОМ в Нове-граде
Как был Садко-купец, богатый гость.

А прежде у Садка имущества не было:
Одни были гуселки яровчаты;
По пирам ходил-играл Садко.

Садка день не зовут на почестен пир,
Другой не зовут на почестен пир
И третий не зовут на почестен пир,
По том Садко соскучился.
Как пошел Садко к Ильмень-озеру,
Садился на бел-горюч камень
И начал играть в гуселки яровчаты.

Как тут-то в озере вода всколыбалася,
Тут-то Садко перепался,
Пошел прочь от озера во свой во Новгород.

Садка день не зовут на почестен пир,
Другой не зовут на почестен пир
И третий не зовут на почестен пир,
По том Садко соскучился.
Как пошел Садко к Ильмень-озеру,
Садился на бел-горюч камень
И начал играть в гуселки яровчаты.

Как тут-то в озере вода всколыбалася,
Тут-то Садко перепался,
Пошел прочь от озера во свой во Новгород.

Садка день не зовут на почестен пир,
Другой не зовут на почестен пир
И третий не зовут на почестен пир,
По том Садко соскучился.
Как пошел Садко к Ильмень-озеру,
Садился на бел-горюч камень
И начал играть в гуселки яровчаты.

Как тут-то в озере вода всколыбалася,
Показался царь морской,
Вышел со Ильмени со озера,
Сам говорил таковы слова:
— Ай же ты, Садко новгородский!
Не знаю, чем буде тебя пожаловать
За твои за утехи за великие,
За твою-то игру нежную:
Аль бессчетной золотой казной?
А не то ступай во Новгород
И ударь о велик заклад,
Заложи свою буйну голову
И выряжай с прочих купцов
Лавки товара красного [1]
И спорь, что в Ильмень-озере
Есть рыба — золоты перья.
Как ударишь о велик заклад,
И поди свяжи шелковой невод
И приезжай ловить в Ильмень-озеро:
Дам три рыбины — золоты перья.
Тогда ты, Садко, счастлив будешь!

[1] Лавки с тканями.

Пошел Садко от Ильменя от озера.
Как приходил Садко во свой во Новгород,
Позвали Садка на почестен пир.
Как тут Садко новгородский
Стал играть в гуселки яровчаты;
Как тут стали Садка попаивать,
Стали Садку поднашивать,
Как тут-то Садко стал похвастывать:
— Ай же вы, купцы новогородские!
Как знаю чудо-чудное в Ильмень-озере:
А есть рыба — золоты перья в Ильмень-озере!

Как тут-то купцы новогородские
Говорят ему таковы слова:
— Не знаешь ты чуда-чудного,
Не может быть в Ильмень-озере рыбы — золоты перья.

Ай же вы, купцы новогородские!
О чем же бьете со мной о велик заклад?
Ударим-ка о велик заклад:
Я заложу свою буйну голову,
А вы залагайте лавки товара красного.

Три купца повыкинулись,
Заложили по три лавки товара красного,
Как тут-то связали невод шелковый
И поехали ловить в Ильмень-озеро.

Закинули тоньку в Ильмень-озеро,
Добыли рыбку — золоты перья;
Закинули другую тоньку в Ильмень-озеро,
Добыли другую рыбку — золоты перья;
Третью закинули тоньку в Ильмень-озеро,
Добыли третью рыбку — золоты перья.
Тут купцы новогородские
Отдали по три лавки товара красного.

Стал Садко поторговывать,
Стал получать барыши великие.

Во своих палатах белокаменных
Устроил Садко все по-небесному:
На небе солнце — и в палатах солнце,
На небе месяц — и в палатах месяц,
На небе звезды — и в палатах звезды,
Потом Садко-купец, богатый гость,
Зазвал к себе на почестен пир
Тыих мужиков новогородскиих
И тыих настоятелей новогородскиих
Фому Назарьева и Луку Зиновьева [1].

Все на пиру наедалися,
Все на пиру напивалися,
Похвальбами все похвалялися.
Иной хвастает бессчетной золотой казной,
Другой хвастает силой-удачей молодецкою,
Который хвастает добрым конем,
Который хвастает славным отечеством,
Славным отечеством, молодым молодечеством,
Умный хвастает старым батюшком,
Безумный хвастает молодой женой.

Говорят настоятели новогородские:
— Все мы на пиру наедалися,
Все на почестном напивалися,
Похвальбами все похвалялися.

---

[1] Настоятель — старший, начальник.
О каких настоятелях идет речь, остается неизвестным.

Что же у нас Садко ничем не похвастает?
Что у нас Садко ничем не похваляется?

Говорит Садко-купец, богатый гость:
— А чем мне, Садку, хвастаться,
Чем мне, Садку, похвалятися?
У меня ль золота казна не тощится [1],
Цветно платьице [2] не носится,
Дружина хоробра не изменяется.
А похвастать — не похвастать бессчетной золотой казной:
На свою бессчетну золоту казну
Повыкуплю товары новогородские,
Худые товары и добрые!

Не успел он слова вымолвить,
Как настоятели новогородские
Ударили о велик заклад,
О бессчетной золотой казне,
О денежках тридцати тысячах:
Как повыкупить Садку товары новогородские,
Худые товары и добрые,
Чтоб в Нове-граде товаров в продаже боле не было.

Ставал Садко на другой день раным-рано,
Будил свою дружину хоробрую,
Без счета давал золотой казны
И распускал дружину по улицам торговыим,
А сам-то прямо шел в гостиный ряд,
Как повыкупил товары новогородские,
Худые товары и добрые,
На свою бессчетну золоту казну.

На другой день ставал Садко раным-рано,
Будил свою дружину хоробрую,
Без счета давал золотой казны
И распускал дружину по улицам торговыим,
А сам-то прямо шел в гостиный ряд:

---

[1] Не тощится — не истощается.
[2] Цветно платьице — не белое и не черное, а окрашенное в какой-либо другой цвет.

Вдвойне товаров принавезено,
Вдвойне товаров принаполнено
На тую славу на великую новогородскую.
Опять выкупал товары новогородские,
Худые товары и добрые,
На свою бессчетну золоту казну.

На третий день ставал Садко раным-рано,
Будил свою дружину хоробрую,

Без счета давал золотой казны
И распускал дружину по улицам торговыим,
А сам-то прямо шел в гостиный ряд:
Втройне товаров принавезено,
Втройне товаров принаполнено,
Подоспели товары московские
На тую на великую на славу новогородскую.

Как тут Садко пораздумался:
«Не выкупить товара со всего бела света:
Еще повыкуплю товары московские,
Подоспеют товары заморские.
Не я, видно, купец богат новогородский —
Побогаче меня славный Новгород».
Отдавал он настоятелям новогородскиим
Денежек он тридцать тысячей.

На свою бессчетну золоту казну
Построил Садко тридцать кораблей,
Тридцать кораблей, тридцать черленыих;
На те на корабли на черленые
Свалил товары новогородские,
Поехал Садко по Волхову,
Со Волхова во Ладожско,
А со Ладожска во Неву-реку,
А со Невы-реки во сине море.

Как поехал он по синю морю,
Воротил он в Золоту Орду,
Продавал товары новогородские,
Получал барыши великие,
Насыпал бочки-сороковки красна золота, чиста серебра.

Поезжал назад во Новгород,
Поезжал он по синю морю.

На синем море сходилась погода сильная,
Застоялись черлены корабли на синем море:
А волной-то бьет, паруса рвет,
Ломает кораблики черленые;
А корабли нейдут с места на синем море.

Говорит Садко-купец, богатый гость,
Ко своей дружине ко хоробрые:
— Ай же ты, дружинушка хоробрая!
Как мы век по морю ездили,
А морскому царю дани не плачивали:
Видно, царь морской от нас дани требует,
Требует дани во сине море.
Ай же, братцы, дружина хоробрая!
Взимайте бочку-сороковку чиста серебра,
Спущайте бочку во синё море.

Дружина его хоробрая
Взимала бочку чиста серебра,
Спускала бочку во сине море:
А волной-то бьет, паруса рвет,
Ломает кораблики черленые,
А корабли нейдут с места на синем море.

Тут его дружина хоробрая
Брала бочку-сороковку красна золота,
Спускала бочку во сине море:
А волной-то бьет, паруса рвет,
Ломает кораблики черленые,
А корабли всё нейдут с места на синем море.

Говорит Садко-купец, богатый гость:
— Видно, царь морской требует
Живой головы во сине море.
Делайте, братцы, жеребья вольжаны,
Я сам сделаю на красноем на золоте,
Всяк свои имена подписывайте,
Спускайте жеребья на сине море:
Чей жеребий ко дну пойдет,
Таковому идти в сине море.

Делали жеребья вольжаны,
А сам Садко делал на красноем на золоте,
Всяк свое имя подписывал,
Спускали жеребья на сине море.

Как у всей дружины хоробрые
Жеребья гоголем по воде плывут,
А у Садка-купца — ключом на дно.

Говорит Садко-купец, богатый гость:
— Ай же братцы, дружина хоробрая!
Этыя жеребья неправильны:
Делайте жеребья на красном на золоте,
А я сделаю жеребий вольжаный.

Делали жеребья на красноем на золоте,
А сам Садко делал жеребий вольжаный.
Всяк свое имя подписывал,
Спускали жеребья на сине море.

Как у всей дружины хоробрые
Жеребья гоголем по воде плывут,
А у Садка-купца — ключом на дно.

Говорит Садко-купец, богатый гость:
— Ай же братцы, дружина хоробрая!
Видно, царь морской требует
Самого Садка богатого в сине море.
Несите мою чернильницу вальяжную,
Перо лебединое, лист бумаги гербовый.

Несли ему чернильницу вальяжную,
Перо лебединое, лист бумаги гербовый,
Он стал именьице отписывать:
Кое именье отписывал божьим церквам,
Иное именье нищей братии,
Иное именьице молодой жене,
Остатное именье дружине хороброей.

Говорил Садко-купец, богатый гость:
— Ай же братцы, дружина хоробрая!
Давайте мне гуселки яровчаты,
Поиграть-то мне в остатнее:
Больше мне в гуселки не игрывати.
Али взять мне гусли с собой во сине море?

Взимает он гуселки яровчаты,
Сам говорит таковы слова:
— Свалите дощечку дубовую на воду:
Хоть я свалюсь на доску дубовую,
Не столь мне страшно принять смерть на синем море.

Свалили дощечку дубовую на воду,
Потом поезжали корабли по синю морю,
Полетели, как черные вороны.

Остался Садко на синем море.
Со тоя со страсти со великие
Заснул на дощечке на дубовой.

Проснулся Садко во синем море,
Во синем море на самом дне,
Сквозь воду увидел пекучись красное солнышко,
Вечернюю зорю, зорю утреннюю.

Увидел Садко: во синем море
Стоит палата белокаменная.
Заходил Садко в палату белокаменну:
Сидит в палате царь морской,

Голова у царя как куча сенная.
Говорит царь таковы слова:
— Ай же ты, Садко-купец, богатый гость!
Век ты, Садко, по морю езживал,
Мне, царю, дани не плачивал,
А нонь весь пришел ко мне во подарочках.
Скажут, мастер играть в гуселки яровчаты;
Поиграй же мне в гуселки яровчаты.

Как начал играть Садко в гуселки яровчаты,
Как начал плясать царь морской во синем море,
Как расплясался царь морской.
Играл Садко сутки, играл и другие
Да играл еще Садко и третии —
А все пляшет царь морской во синем море.
Во синем море вода всколыбалася,
Со желтым песком вода смутилася,

Стало разбивать много кораблей на синем море,
Стало много гибнуть именьицев,
Стало много тонуть людей праведных.

Как стал народ молиться Миколе Можайскому,
Как тронуло Садко в плечо во правое:
— Ай же ты, Садко новогородскиий!
Полно играть в гуселышки яровчаты!—
Обернулся, глядит Садко новогородскиий:
Ажно стоит старик седатыий.
Говорил Садко новогородскиий:
— У меня воля не своя во синем море,
Приказано играть в гуселки яровчаты.

Говорит старик таковы слова:
— А ты струночки повырывай,
А ты шпенечки повыломай.

Скажи: «У меня струночек не случилося,
А шпенечков не пригодилося,
Не во что больше играть,
Приломалися гуселки яровчаты».
Скажет тебе царь морской:
«Не хочешь ли жениться во синем море
На душечке на красной девушке?»
Говори ему таковы слова:
«У меня воля не своя во синем море».
Опять скажет царь морской:
«Ну, Садко, вставай поутру ранешенько,
Выбирай себе девицу-красавицу».
Как станешь выбирать девицу-красавицу,
Так перво триста девиц пропусти,
И друго триста девиц пропусти,
И третье триста девиц пропусти;
Позади идет девица-красавица,
Красавица девица Чернавушка,
Бери тую Чернаву за себя замуж...
Будешь, Садко, во Нове-граде.
А на свою бессчетну золоту казну
Построй церковь соборную Миколе Можайскому.

Садко струночки во гуселках повыдернул,
Шпенечки во яровчатых повыломал.
Говорит ему царь морской:
— Ай же ты, Садко новогородскиий!
Что же не играешь в гуселки яровчаты?
— У меня струночки во гуселках выдернулись,
А шпенечки во яровчатых повыломались,
А струночек запасных не случилося,
А шпенечков не пригодилося.

Говорит царь таковы слова:
— Не хочешь ли жениться во синем море
На душечке на красной девушке? —
Говорит ему Садко новогородскиий:
— У меня воля не своя во синем море. —
Опять говорит царь морской:
— Ну, Садко, вставай поутру ранешенько,
Выбирай себе девицу-красавицу.

Вставал Садко поутру ранешенько,
Поглядит: идет триста девушек красныих.
Он перво триста девиц пропустил,
И друго триста девиц пропустил,
И третье триста девиц пропустил;
Позади шла девица-красавица,
Красавица девица Чернавушка,
Брал тую Чернаву за себя замуж.

Как прошел у них столованье почестен пир.
Как ложился спать Садко во перву ночь,
Как проснулся Садко во Нове-граде,
О реку Чернаву на крутом кряжу;
Как поглядит — ажно бегут
Его черленые корабли по Волхову.

Поминает жена Садка [1] со дружиной во синем море:
— Не бывать Садку со синя моря! —

[1] Садка есть жена, но он женится еще и на Чернавушке. К этому его принудил морской царь, но вторая женитьба оказывается мнимой.

А дружина поминает одного Садка:
— Остался Садко во синем море!
А Садко стоит на крутом кряжу,
Встречает свою дружинушку со Волхова.
Тут его дружина сдивовалася:
— Остался Садко во синем море ,
Очутился впереди нас во Нове-граде,
Встречает дружину со Волхова!

Встретил Садко дружину хоробрую
И повел в палаты белокаменны.
Тут его жена зрадовалася,
Брала Садка за белы руки,
Целовала во уста во сахарные.

Начал Садко выгружать со черленых со кораблей
Именьице — бессчетну золоту казну.
Как повыгрузил со черленыих кораблей,
Состроил церкву соборную Миколе Можайскому.

Не стал больше ездить Садко на сине море,
Стал поживать Садко во Нове-граде.

Исцеление Ильи Муромца

А во славноем во русскоем царстве,
А во той ли деревне Карачарове,
У честных у славных родителей, у матери
Был спорожен тут сын Илья Иванович,
А по прозванью был славный Муромец.
А не имел Илья во ногах хожденьица,
А во руках не имел Илья владеньица;
Тридцать лет его было веку долгого [1].

Во тое во летушко во красное
А уходили родная матушка да батюшка

А на ту ли на работку на тяжелую,
А оставался Илья да одинёшенек.
А сидит-то Илья да Илья Муромец;
А приходили ко Илье да три старчика:
— А уж ты стань, Илья да Илья Муромец,
А ты напой-ка нас да голодёшеньких,
А ты накорми-ко нас да сытёшенько!

[1] То есть тридцать лет Илья не владел ни руками, ни ногами.

А й говорил Илья да таковы слова:
— А накормил бы вас да сытёшенько,
А напоил бы вас да пьянёшенько —
А тридцать лет века долгого
А у меня нету в ногах ни хожденьица,
А во руках у меня нету ли владеньица.

А говорили ли старцы прохожие:
— А уж ты стань, Илья да Илья Муромец!
А ты стань-ко, напои да накорми нас ты, жаждущих.—
А говорил Илья да таковы слова:
— А уж я рад бы встать на резвы ноги —
А у меня ноги есть, руки есть,—
А у меня ноженьки не владеют ли,
А у меня рученьки да не владеют ли.

А в третьёй након говорят ему да старцы ли:
— А уж ты стань, Илья да Илья Муромец!
А во ногах есть хожденьице,
А во руках есть у тебя владеньице.

А тут ли стал Илья да на резвы ноги,
А крестил глаза на икону святых отцов:
— А слава да слава, слава господу!
А дал господь бог мне хожденьице,
А дал господь мне в руках владеньице.

А опустился он во подвалы глубокие,
А принес ли он чару полную:
— А вы пейте-ко, старцы прохожие!—
А они попили, старцы прохожие:
— А сходи-ко ты, Илья, в погреба славны глубокие,
А принеси-ко ты чарушку полнёшеньку,
А ты выпьешь сам на здравие.—
А он принес ли чару полнёшеньку.
— А ты пей-ко ли, Илья, да на здоровьице,
А ты кушай-ко, Илья, для себя ли ты!

А он выпил ли чарушку полную.
А спросили его старцы прохожие:

— А уж что же ты, Ильюша, в себе чувствуешь?
— А я чувствую ли силу великую:
А кабы было колечко во сырой земле,
А повернул бы земелюшку на ребрышко.—
Ай говорили тут старцы таковы слова:
— А ты поди-ко в погреба славны глубокие,
А налей-ко ты ли чарушку полнёшеньку!—
А принес он чару полнёшеньку.

— А уж выпей-ко чару единёшенек!—
А уж выпил он чару единёшенек.
— А теперь, Илья, что ты чувствуешь?
— А нунь у меня силушка да спала ли,
А спала у меня сила вполовиночку.

А й говорили старцы прохожие:
— А ведь и живи, Илья, да будешь воином.
А на земле тебе ведь смерть будет не писана,
А во боях тебе смерть будет не писана!

А благословили они да Илью Муромца,
А распростились с Ильей да пошли они.

А Илья как стал владеть ручками, ножками,
А в избушке ли сидеть ему тоскливо ли —
А он пошел на те поля-луга зеленые,
А где его были родители сердечные.

А пришел он ко славной Непре-реке[1]:
— Бог вам помощь, родная матушка,
А бог тебе помощь, родной батюшка!—

А они да тут удивилися,
А они да тут ужаснулися:
— А уж ты, чадо, чадо милое,
А слава, слава да слава господу,
А господь бог тебе дал хожденьице,
А господь тебе дал в руках владеньице!

А он и начал ли дубки подергивать,
А во Непру-реку стал покидывать,
А накидал Непру-реку дубов ли он —
А вода в реке худо побежала.

А говорили тут отец с матушкой:
— Ай же ты мое чадо милое,
Ай господь тебе бог дал силу великую.
А живи как ты да поскромнёшенько,
А не давай ретиву сердцу волюшки.

А пришли ли они во деревеньку,
А говорил ли Илья да отцу-матушке:
— А уж ты, батюшка да и матушка,
А вы давайте-ко благословеньице,
А вы дайте-ко вы прощеньице,
А мне-ко съездить во Киев-град
А ко солнышку ко князю ко Владимиру.

А отец и мать-то его уговаривают:
— А уж ты, чадо, чадо да чадо милое,
А мы только видели света, света белого,
А мы не видели света цела полвека.—
Ай говорил Илья да таковы слова:
— А уж вы, мои сердечные родители,
А уж дайте мне благословеньице.

[1] Село Карачарово стоит на Оке. Сказатель ошибся.

Говорила тут родная матушка:
— А уж поедешь ты ли, чадо наше милое,
А ты во славный да ли во Киев-град,
А не кровавь сабли востроей,
А не сироти-ко ты да малых детушек,
А не бесчести-ко ты да молодых жен.—

Ай выводил он утром ранёшенько
А своего коня-то, коня сизо-бурого,
А на тую ли он обеденку на раннюю:
— А уж ты, Сивушка мой да белогривушка,
А ты катайся-ко на роске на раннеей,
Чтобы шерсть-то у тебя сменялася,
Чтобы силушка в тебе прибавлялася.
А ты служи-ко добру молодцу
А на чистом поле разъезживать,
А через стеночки городовые перескакивать!

А тут Ильюшенька да справляется,
А он во путь да отправляется.

3. Зак. 3133

Из ТОГО ли то из города из Мурома,
Из того села да Карачарова
Выезжал удаленький дородный добрый молодец.
Он стоял заутреню во Муроме,
А й к обеденке поспеть хотел он в стольный Киев-град.

Да й подъехал он ко славному ко городу к Чернигову.
У того ли города Чернигова
Нагнано-то силушки черным-черно,
А й черным-черно, как чёрна ворона.
Так пехотою никто тут не прохаживат,
На добром коне никто тут не проезживат,
Птица черный ворон не пролётыват,
Серый зверь да не прорыскиват.
А подъехал как ко силушке великоей,
Он как стал-то эту силушку великую,
Стал конем топтать да стал копьем колоть,
А й побил он эту силу всю великую.

Он подъехал-то под славный под Чернигов-град,
Выходили мужички да тут черниговски
И отворяли-то ворота во Чернигов-град,
А й зовут его в Чернигов воеводою.

Говорит-то им Илья да таковы слова:
— Ай же мужички да вы черниговски!
Я не йду к вам во Чернигов воеводою.
Укажите мне дорожку прямоезжую,
Прямоезжую да в стольный Киев-град.

Говорили мужички ему черниговски:
— Ты, удаленький дородный добрый молодец,
Ай ты, славный богатырь да святорусский!
Прямоезжая дорожка заколодела,
Заколодела дорожка, замуравела.
А й по той ли по дорожке прямоезжею
Да й пехотою никто да не прохаживал,
На добром коне никто да не проезживал.
Как у той ли то у Грязи-то у Черноей,
Да у той ли у березы у покляпыя,
Да у той ли речки у Смородины,
У того креста у Леванидова
Сидит Соловей Разбойник на сыром дубу,
Сидит Соловей Разбойник Одихмантьев сын.
А то свищет Соловей да по-соловьему,
Он кричит, злодей-разбойник, по-звериному.
И от его ли то от посвиста соловьего,
И от его ли то от покрика звериного
Те все травушки-муравы уплетаются,
Все лазоревы цветочки осыпаются,
Темны лесушки к земле все приклоняются,—
А что есть людей — то все мертвы лежат.
Прямоезжею дороженькой — пятьсот есть верст,
А й окольноей дорожкой — цела тысяча.

Он спустил добра коня да й богатырского,
Он поехал-то дорожкой прямоезжею.
Его добрый конь да богатырскии
С горы на гору стал перескакивать,
С холмы на холмы стал перемахивать,
Мелки реченьки, озёрка промеж ног пускал.
Подъезжает он ко речке ко Смородине,
Да ко тоей он ко Грязи он ко Черноей,
Да ко тою ко березе ко покляпыя,
К тому славному кресту ко Леванидову.
Засвистал-то Соловей да по-соловьему,
Закричал злодей-разбойник по-звериному —

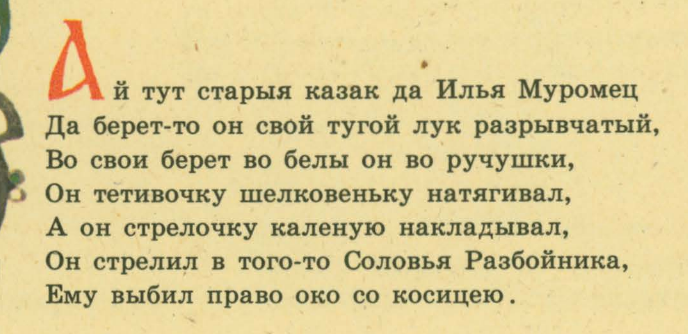
Так все травушки-муравы уплеталися,
Да й лазоревы цветочки осыпалися,
Темны лесушки к земле все приклонилися.

Его добрый конь да богатырскии
А он на корни да спотыкается —
А й как старый-от казак да Илья Муромец

Берет плеточку шелковую в белу руку,
А он бил коня да по крутым ребрам,
Говорил-то он Илья таковы слова:
— Ах ты, волчья сыть да й травяной мешок!
Али ты идти не хошь, али нести не можь?
Что ты на корни, собака, спотыкаешься?
Не слыхал ли посвиста соловьего,
Не слыхал ли покрика звериного,
Не видал ли ты ударов богатырских?

Ай тут старыя казак да Илья Муромец
Да берет-то он свой тугой лук разрывчатый,
Во свои берет во белы он во ручушки,
Он тетивочку шелковеньку натягивал,
А он стрелочку каленую накладывал,
Он стрелил в того-то Соловья Разбойника,
Ему выбил право око со косицею.

Он спустил-то Соловья да на сыру землю,
Пристегнул его ко правому ко стремечку булатному,
Он повез его по славну по чисту полю,
Мимо гнездушка повез да соловьиного.

Во том гнездышке да соловьиноем
А случилось быть да и три дочери,
А й три дочери его любимыих.
Больша дочка — эта смотрит во окошечко косявчато,
Говорит она да таковы слова:
— Едет-то наш батюшка чистым полем,
А сидит-то на добром коне,
И везет он мужичища-деревенщину
Да у правого у стремени прикована.

Поглядела как другая дочь любимая,
Говорила-то она да таковы слова:
— Едет батюшка раздольицем чистым полем,
Да й везет он мужичища-деревенщину
Да й ко правому ко стремени прикована.

Поглядела его меньша дочь любимая,
Говорила-то она да таковы слова:
— Едет мужичище-деревенщина,
Да й сидит мужик он на добром коне,
Да й везет-то наша батюшка у стремени,
У булатного у стремени прикована —
Ему выбито-то право око со косицею.

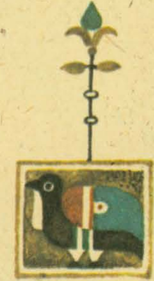
Говорила-то й она да таковы слова:
— А й же мужевья наши любимые!
Вы берите-ко рогатины звериные,
Да бегите-ко в раздольице чисто поле,
Да вы бейте мужичища-деревенщину!

Эти мужевья да их любимые,
Зятевья-то есть да соловьиные,
Похватали как рогатины звериные,

Да и бежали-то они да й во чисто поле
Ко тому ли к мужичище-деревенщине,
Да хотят убить-то мужичища-деревенщину.

Говорит им Соловей Разбойник Одихмантьев сын:
— Ай же зятевья мои любимые!
Побросайте-ко рогатины звериные,
Вы зовите мужика да деревенщину,
В свое гнездышко зовите соловьиное,
Да кормите его ествушкой сахарною,
Да вы пойте его питьецем медвяным,
Да й дарите ему дары драгоценные!

Эти зятевья да соловьиные
Побросали-то рогатины звериные,
А й зовут мужика да й деревенщину
Во то гнездышко да соловьиное.

Да й мужик-то деревенщина не слушался,
А он едет-то по славному чисту полю
Прямоезжею дорожкой в стольный Киев-град.

Он приехал-то во славный стольный Киев-град
А ко славному ко князю на широкий двор.
А й Владимир-князь он вышел со божьей церкви,
Он пришел в палату белокаменну,
Во столовую свою во горенку,
Он сел есть да пить да хлеба кушати,
Хлеба кушати да пообедати.

А й тут старыя казак да Илья Муромец
Становил коня да посередь двора,
Сам идет он во палаты белокаменны.
Проходил он во столовую во горенку,
На пяту он дверь-то поразмахивал [1],
Крест-от клал он по-писаному,
Вел поклоны по-ученому,

---

[1] То есть распахивал настежь.

На все на три, на четыре на сторонки низко кланялся,
Самому князю Владимиру в особину,
Еще всем его князьям он подколенныим.

Тут Владимир-князь стал молодца выспрашивать:
— Ты скажи-тко, ты откулешний, дородный добрый молодец,

Тебя как-то, молодца, да именем зовут,
Величают, удалого, по отечеству?

Говорил-то старыя казак да Илья Муромец:
— Есть я с славного из города из Мурома,
Из того села да Карачарова,
Есть я старыя казак да Илья Муромец,
Илья Муромец да сын Иванович.

Говорит ему Владимир таковы слова:
— Ай же старыя казак да Илья Муромец!
Да й давно ли ты повыехал из Мурома
И которою дороженькой ты ехал в стольный Киев-град?

Говорил Илья он таковы слова:
— Ай ты славныя Владимир стольно-киевский!
Я стоял заутреню христосскую во Муроме,

А й к обеденке поспеть хотел я в стольный Киев-град,
То моя дорожка призамешкалась.
А я ехал-то дорожкой прямоезжею,
Прямоезжею дороженькой я ехал мимо-то Чернигов-град,
Ехал мимо эту Грязь да мимо Черную,
Мимо славну реченьку Смородину,
Мимо славную березу ту покляпую,
Мимо славный ехал Леванидов крест.

Говорил ему Владимир таковы слова:
— Ай же мужичище-деревенщина,
Во глазах, мужик, да подлыгаешься,
Во глазах, мужик, да насмехаешься!

Как у славного у города Чернигова
Нагнано тут силы много множество —
То пехотою никто да не прохаживал
И на добром коне никто да не проезживал,
Туда серый зверь да не прорыскивал,
Птица черный ворон не пролетывал.
А й у той ли то у Грязи-то у Черноей,
Да у славноей у речки у Смородины,
А й у той ли у березы у покляпыя,
У того креста у Леванидова
Соловей сидит Разбойник Одихмантьев сын.
То как свищет Соловей да по-соловьему,
Как кричит злодей-разбойник по-звериному —
То все травушки-муравы уплетаются,
А лазоревы цветочки прочь осыпаются,
Темны лесушки к земле все приклоняются,
А что есть людей — то все мертвы лежат.

Говорил ему Илья да таковы слова:
— Ты, Владимир-князь да стольно-киевский!
Соловей Разбойник на твоем дворе.
Ему выбито ведь право око со косицею,
И он ко стремени булатному прикованный.

То Владимир-князь-от стольно-киевский
Он скорёшенько вставал да на резвы ножки,

Кунью шубоньку накинул на одно плечко,
То он шапочку соболью на одно ушко,
Он выходит-то на свой-то на широкий двор
Посмотреть на Соловья Разбойника.

Говорил-то ведь Владимир-князь да таковы слова:
— Засвищи-тко, Соловей, ты по-соловьему,
Закричи-тко ты, собака, по-звериному.

Говорил-то Соловей ему Разбойник Одихмантьев сын:
— Не у вас-то я сегодня, князь, обедаю,
А не вас-то я хочу да и послушати.
Я обедал-то у старого казака Ильи Муромца,
Да его хочу-то я послушати.

Говорил-то как Владимир-князь да стольно-киевский:
— Ай же старыя казак ты Илья Муромец!
Прикажи-тко засвистать ты Соловью да й по-соловьему,
Прикажи-тко закричать да по-звериному.

Говорил Илья да таковы слова:
— Ай же Соловей Разбойник Одихмантьев сын!
Засвищи-тко ты во полсвиста соловьего,
Закричи-тко ты во полкрика звериного.

Говорил-то ему Соловей Разбойник Одихмантьев сын:
— Ай же старыя казак ты Илья Муромец!
Мои раночки кровавы запечатались,
Да не ходят-то мои уста сахарные,
Не могу я засвистать да й по-соловьему,
Закричать-то не могу я по-звериному.
А й вели-тко князю ты Владимиру
Налить чару мне да зелена вина.
Я повыпью-то как чару зелена вина —
Мои раночки кровавы поразойдутся,
Да й уста мои сахарные порасходятся,
Да тогда я засвищу да по-соловьему,
Да тогда я закричу да по-звериному.

Говорил Илья тут князю он Владимиру:
— Ты, Владимир-князь да стольно-киевский,
Ты поди в свою столовую во горенку,
Наливай-ко чару зелена вина.
Ты не малую стопу — да полтора ведра,
Подноси-тко к Соловью к Разбойнику.

То Владимир-князь да стольно-киевский
Он скоренько шел в столову свою горенку,
Наливал он чару зелена вина,
Да не малу он стопу — да полтора ведра,
Разводил медами он стоялыми,
Приносил-то он ко Соловью Разбойнику.

Соловей Разбойник Одихмантьев сын
Принял чарочку от князя он одной ручкой,
Выпил чарочку ту Соловей одним духом.

Засвистал как Соловей тут по-соловьему,
Закричал Разбойник по-звериному —
Маковки на теремах покривились,
А околенки во теремах рассыпались,
От него, от посвиста соловьего,
А что есть-то людушек — так все мертвы лежат.
А Владимир-князь-от стольно-киевский
Куньей шубонькой он укрывается.

А й тут старый-от казак да Илья Муромец,
Он скорёшенько садился на добра коня,
А й он вез-то Соловья да во чисто поле,
И он срубил ему да буйну голову.

Говорил Илья да таковы слова:
— Тебе полно-тко свистать да по-соловьему,
Тебе полно-тко кричать да по-звериному,
Тебе полно-тко слезить да отцов-матерей,
Тебе полно-тко вдовить да жен молодыих,
Тебе полно-тко спущать-то сиротать да малых детушек!

А тут Соловью ему й славу поют.
А й славу поют ему век по веку!

Илья Муромец и Калин-царь

Как Владимир-князь да стольно-киевский
Поразгневался на старого казака Илью Муромца,
Засадил его во погреб во холодныя
Да на три года поры-времени.

А у славного у князя у Владимира
Была дочь да одинакая.
Она видит — это дело есть немалое,
А что посадил Владимир-князь да стольно-киевский
Старого казака Илью Муромца
В тот во погреб во холодныя,
А он мог бы постоять один за веру, за отечество,
Мог бы постоять один за Киев-град,
Мог бы постоять один за церкви за соборные,
Мог бы поберечь он князя да Владимира,
Мог бы поберечь Апраксу-королевичну.

Приказала сделать да ключи поддельные,
Положила-то людей да потаённыих,
Приказала-то на погреб на холодныи

Да снести перины да подушечки пуховые,
Одеяла приказала снести теплые,
Она яствушку поставить да хорошую
И одежду сменять с ново на ново
Тому старому казаку Илье Муромцу,
А Владимир-князь про то не ведает.

Воспылал-то тут собака Калин-царь на Киев-град,
И хотел он разорить да стольный Киев-град,
Чернедь-мужичков он всех повырубить,
Божьи церкви все на дым спустить,
Князю-то Владимиру да голову срубить
Да со той Апраксой-королевичной.

Посылает-то собака Калин-царь посланника,
А посланника во стольный Киев-град,
И дает ему он грамоту посыльную,
И посланнику-то он наказывал:
— Как поедешь ты во стольный Киев-град,
Будешь ты, посланник, в стольном во Киеве
Да у славного у князя у Владимира,
Будешь на его на широком дворе,
И сойдешь как тут ты со добра коня,
Да й спускай коня ты на посыльный двор,
Сам поди-тко во палату белокаменну.
Да й пройдешь палатой белокаменной,
Да й войдешь в его столовую во горенку.
На пяту ты дверь да поразмахивай,
Подходи-ка ты ко столику к дубовому,
Становись-ка супротив князя Владимира,
Полагай-ка грамоту на золот стол,
Говори-тко князю ты Владимиру:
«Ты, Владимир-князь да стольно-киевский,
Ты бери-тко грамоту посыльную
Да смотри, что в грамоте написано,
Да смотри, что в грамоте да напечатано.
Очищай-ко ты все улички стрелецкие,
Все великие дворы да княженецкие.
По всему-то городу по Киеву,
А по всем по улицам широкиим,
Да по всем-то переулкам княженецкиим
Наставь сладких хмельных напиточков,

Чтоб стояли бочка о бочку близко по близку,
Чтобы было у чего стоять собаке царю Калину [1]
Со своими-то войсками со великими
Во твоем во городе во Киеве».

То Владимир-князь да стольно-киевский
Брал-то книгу он посыльную,
Да и грамоту ту распечатывал
И смотрел, что в грамоте да напечатано:
А что велено очистить улицы стрелецкие
И большие дворы княженецкие
Да наставить сладких хмельных напиточков
А по всем по улицам широкиим
Да по всем переулкам княженецкиим.

Тут Владимир-князь да стольно-киевский
Видит — есть это дело немалое,
А немало дело-то — великое.
А садился-то Владимир-князь да на червленый стул

---

[1] Калин сам называет себя собакой: привычное бранное прозвище врага перешло и в его собственную речь.

4. Зак. 3133

Да писал-то ведь он грамоту повинную:
«Ай же ты, собака да и Калин-царь!
Дай-ка мне ты поры-времечка на три года,
На три года дай и на три месяца,
На три месяца да еще на три дня
Мне очистить улицы стрелецкие,
Все великие дворы да княженецкие,
Накурить мне сладких хмельных напиточков
Да й поставить по всему-то городу по Киеву,
Да й по всем по улицам широкиим,
По всем славным переулкам княженецкиим».

Отсылает эту грамоту повинную,
Отсылает ко собаке царю Калину.
А й собака тот да Калин-царь
Дал ему он поры-времячка на три года,
На три года и на три месяца,
На три месяца да еще на три дня.

Еще день за день как и дождь дождит,
А неделя за неделей как река бежит —
Прошло поры-времячка да три года,
А три года да три месяца,
А три месяца да еще три-то дня.
Тут подъехал ведь собака Калин-царь,
Он подъехал ведь под Киев-град
Со своими со войсками со великими.

Тут Владимир-князь да стольно-киевский
Он по горенке да стал похаживать,
С ясных очушек он ронит слезы ведь горючие,
Шелковым платком князь утирается,
Говорит Владимир-князь да таковы слова:
— Нет жива-то старого казака Ильи Муромца,
Некому стоять теперь за веру, за отечество,
Некому стоять за церкви ведь за божии,
Некому стоять-то ведь за Киев-град,
Да ведь некому сберечь князя Владимира
Да и той Апраксы-королевичны!

Говорит ему любима дочь да таковы слова:
— Ай ты, батюшка Владимир-князь наш
стольно-киевский!
Ведь есть жив-то старыя казак да Илья Муромец,
Ведь он жив на погребе холодноём.

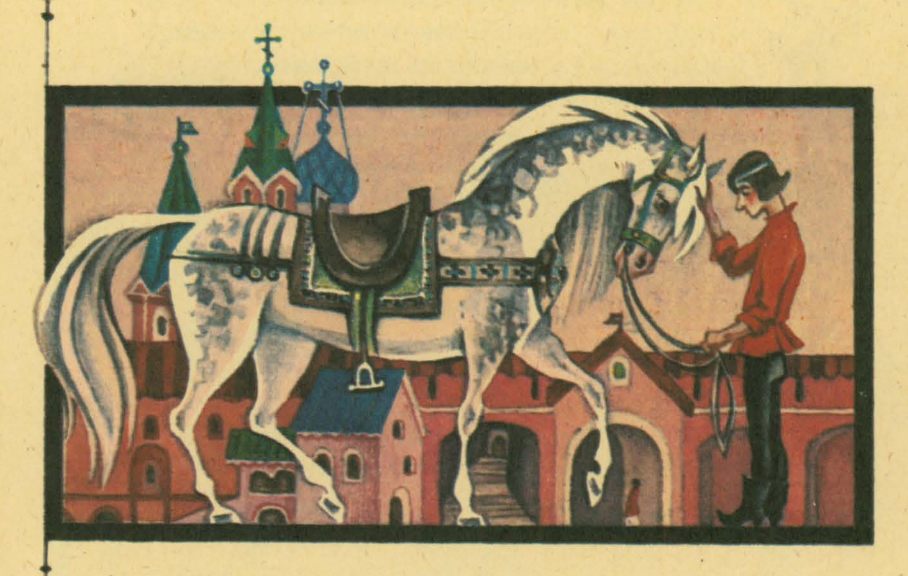
Тут Владимир-князь-от стольно-киевский
Он скорёшенько берет да золоты ключи
Да идет на погреб на холодныя,
Да подходит ко решеткам ко железныим.
Разорил-то он решетки да железные —
Да там старыя казак да Илья Муромец.
Он во погребе сидит-то, сам не старится,
Там перинушки, подушечки пуховые,
Одеяла снесены там теплые,
Яствушка поставлена хорошая.
А одежица на нем да живет сменная.

Он берет его за ручушки за белые,
За его за перстни за злачёные,
Выводил его со погреба холодного,
Приводил его в палату белокаменну,
Становил-то он Илью да супротив себя,
Целовал в уста сахарные,
Заводил его за столики дубовые,
Да садил Илью-то он подли себя
И кормил его да яствушкой сахарнею,
Да и поил-то питьицем медвяным,
И говорил-то он Илье да таковы слова:
— Ай же старыя казак да Илья Муромец,
Наш-то Киев-град нынь да в полону стоит.
Обошел собака Калин-царь наш Киев-град
Со своими со войсками со великими.
А постой-ка ты за веру, за отечество,
И постой-ка ты за славный Киев-град,
Да постой за матушки божьи церкви,
Да постой-ка ты за князя за Владимира,
Да постой-ка за Апраксу-королевичну!

Так тут старыя казак да Илья Муромец
Выходит он со палаты белокаменной,
Шел по городу он да по Киеву,
Заходил в свою палату белокаменну

Да спросил-то как он паробка любимого.
Шел со паробком да со любимыим
А на свой на славный на широкий двор,
Заходил он во конюшенку в стоялую,
Посмотрел добра коня он богатырского,
Говорил Илья да таковы слова:
— Ай же ты, мой паробок любимыи,
Верный ты слуга мой безызменныи,
Хорошо держал моего коня ты богатырского! —
Целовал его он во уста сахарные,
Выводил добра коня с конюшенки стоялыя

А й на тот на славный на широкий двор.
А й тут старыя казак да Илья Муромец
Стал добра коня тут он заседлывать.
На коня накладывает потничек,
А на потничек накладывает войлочек —
Потничек он клал да ведь шелковенький,
А на потничек подкладывал подпотничек,
На подпотничек седёлко клал черкасское,
А черкасское седёлышко не держано,
И подтягивал двенадцать подпругов шелковыих,
И шпенёчики он втягивал булатные,
А стремяночки покладывал булатные,
Пряжечки покладывал он красна золота,
Да не для красы-угожества —
Ради крепости всё богатырскоей:
Еще подпруги шелковы тянутся, да они не рвутся,
Да булат-железо гнется — не ломается,
Пряжечки-то красна золота,
Они мокнут, да не ржавеют.

Н садился тут Илья да на добра коня,
Брал с собой доспехи крепки богатырские:
Во-первых, брал палицу булатную,
Во-вторых, копье брал мурзамецкое,
А еще брал саблю свою острую,
Еще брал шалыгу подорожную,
И поехал он из города из Киева.

Выехал Илья да во чисто поле,
И подъехал он ко войскам ко татарскиим
Посмотреть на войска на татарские.
Нагнано-то силы много множество.
Как от покрика от человечьего
Унывает сердце человеческо.

Тут старыя казак да Илья Муромец
Он поехал по раздольицу чисту полю,
Не мог конца-краю силушке наехати.
Он повыскочил на гору на высокую,
Посмотрел на все на три, четыре стороны,
Посмотрел на силушку татарскую —
Конца-краю силе насмотреть не мог.
И повыскочил он на гору на другую,
Посмотрел на все на три, четыре стороны —
Конца-краю силе насмотреть не мог.

Он спустился с той горы да со высокия,
Да он ехал по раздольицу чисту полю
И повыскочил на третью гору на высокую,
Посмотрел-то под восточную ведь сторону.
Насмотрел он под восточной стороной,
Насмотрел он там шатры белы,
И у белыих шатров-то кони богатырские.
Он спустился с той горы да со высокия
И поехал по раздольицу чисту полю.

Приезжал Илья к шатрам ко белыим,
Как сходил Илья да со добра коня.
Да у тех шатров у белыих
А там стоят кони богатырские,
У того ли полотна стоят у белого,

Они зоблят-то пшену да белоярову.
Говорит Илья да таковы слова:
— Поотведать мне-ка счастия великого.

Он накинул поводы шелковые
На добра коня на богатырского
Да спустил коня ко полотну ко белому:
— А й допустят ли то кони богатырские
Моего коня да богатырского
Ко тому ли полотну ко белому
Позобать пшену да белоярову?

Его добрый конь идет-то грудью к полотну,
А идет зобать пшену да белоярову.
Старый казак да Илья Муромец
А идет он да во бел шатер.

Приходит Илья Муромец во бел шатер —
В том белом шатре двенадцать-то богатырей,
И богатыри всё святорусские.
Они сели хлеба-соли кушати,
А и сели-то они да пообедати.
Говорил Илья да таковы слова:
— Хлеб да соль, богатыри да святорусские,
А и крестный ты мой батюшка
А й Самсон да ты Самойлович!

Говорит ему да крестный батюшка:
— А й поди ты, крестничек любимыя,
Старый казак да Илья Муромец,
А садись-ко с нами пообедати.

Нон встал ли да на резвы ноги,
С Ильей Муромцем да поздоровались,
Поздоровались они да целовалися,
Посадили Илью Муромца да за единый стол
Хлеба-соли да покушати.
Их двенадцать-то богатырей,
Илья Муромец — да он тринадцатый.

Они попили, поели, пообедали,
Выходили из-за стола из-за дубового,
Они господу богу помолилися.
Говорил им старыя казак да Илья Муромец:
— Крестный ты мой батюшка Самсон Самойлович,
И вы, русские могучие богатыри!
Вы седлайте-тко добрых коней,
А й садитесь вы да на добрых коней,
Поезжайте-тко да во раздольице чисто поле,
А й под тот под славный стольный Киев-град,
Как под нашим-то под городом под Киевом
А стоит собака Калин-царь,
А стоит со войсками со великими,
Хочет разорить он стольный Киев-град,
Чернедь-мужиков он всех повырубить,
Божьи церкви все на дым спустить,
Князю-то Владимиру да со Апраксой-королевичной
Он срубить-то хочет буйны головы.
Вы постойте-ка за веру, за отечество,
Вы постойте-тко за славный стольный Киев-град,
Вы постойте-тко за церкви те за божии,
Вы поберегите-тко князя Владимира
И со той Апраксой-королевичной!

Говорит ему Самсон Самойлович:
— Ай же крестничек ты мой любимыий,
Старыя казак да Илья Муромец!
А й не будем мы да и коней седлать,
И не будем мы садиться на добрых коней,
Не поедем мы во славно во чисто поле,
Да не будем мы стоять за веру, за отечество,
Да не будем мы стоять за стольный Киев-град,
Да не будем мы стоять за матушки божьи церкви,
Да не будем мы беречь князя Владимира
Да еще с Апраксой-королевичной:
У него ведь есте много да князей-бояр —
Кормит их и поит, да и жалует,
Ничего нам нет от князя от Владимира.

Говорит-то старыя казак Илья Муромец:
— Ай же ты, мой крестный батюшка,
Ай Самсон да ты Самойлович!
Это дело у нас будет нехорошее,
Как собака Калин-царь он разорит да Киев-град,
Да он чернедь-мужиков-то всех повырубит...

Говорит ему Самсон Самойлович:
— Ай же крестничек ты мой любимыий,
Старыя казак да Илья Муромец!
А й не будем мы да и коней седлать,
И не будем мы садиться на добрых коней,
Не поедем мы во славно во чисто поле...

Да не будем мы беречь князя Владимира
Да еще с Апраксой-королевичной:
У него ведь много есть князей-бояр —
Кормит их и поит, да и жалует,
Ничего нам нет от князя от Владимира.

А й тут старыя казак да Илья Муромец,
Он тут видит, что дело ему не полюби,
А й выходит-то Илья да со бела шатра,
Приходил к добру коню да богатырскому,

Брал его за поводы шелковые,
Отводил от полотна от белого,
А от той пшены от белояровой.
Да садился Илья на добра коня,
То он ехал по раздольицу чисту полю,
И подъехал он ко войскам ко татарскиим.

Не ясён сокол да напускает на гусей, на лебедей
Да на малых перелетных серых утушек —
Напускается богатырь святорусския
А на тую ли на силу на татарскую.
Он спустил коня да богатырского
Да поехал ли по той по силушке татарскоей.
Стал он силушку конем топтать,
Стал конем топтать, копьем колоть,
Стал он бить ту силушку великую —
А он силу бьет, будто траву косит.

Его добрый конь да богатырския
Испровещился языком человеческим:
— Ай же славный богатырь святорусския!
Хоть ты наступил на силу на великую,
Не побить тебе той силушки великия:
Нагнано у собаки царя Калина,
Нагнано той силы много множество.
И у него есть сильные богатыри,
Поляницы есть удалые;
У него, собаки царя Калина,
Сделано-то ведь три подкопа да глубокие
Да во славноем раздольице чистом поле.

Когда будешь ездить по тому раздольицу чисту полю,
Будешь бить-то силу ту великую;
Так просядем мы в подкопы во глубокие —
Так из первыих подкопов я повыскочу
Да тебя оттуда я повыздану;
Как просядем мы в подкопы-то во другие —
И оттуда я повыскочу,
И тебя оттуда я повыздану;
Еще в третии подкопы во глубокие —
А ведь тут-то я повыскочу
Да тебя оттуда не повыздану:
Ты останешься в подкопах во глубокиих.

Еще старыя казак да Илья Муромец
Ему дело-то ведь не слюбилося.
И берет он плетку шёлкову в белы руки,
А он бьет коня да по крутым ребрам,
Говорил коню он таковы слова:
— Ай же ты, собачище изменное!
Я тебя кормлю, пою да и улаживаю,

А ты хочешь меня оставить во чистом поле
Да во тех подкопах во глубокиих!

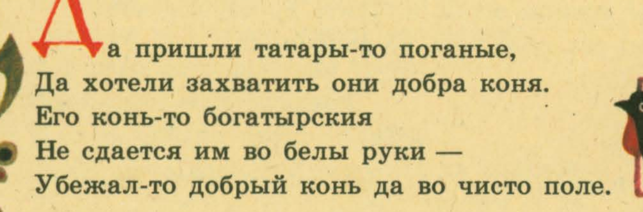
Н поехал Илья по раздольицу чисту полю
Во тую во силушку великую,
Стал конем топтать да и копьем колоть,
И он бьет-то силу, как траву косит,—
У Ильи-то сила не уменьшится.

Он просел в подкопы во глубокие —
Его добрый конь да сам повыскочил,
Он повыскочил, Илью с собой повызданул.

Он пустил коня да богатырского
По тому раздольицу чисту полю

Во тую во силушку великую,
Стал конем топтать да и копьем колоть,
Он и бьет-то силу, как траву косит,—
У Ильи-то сила меньше ведь не ставится,
На добром коне сидит Илья, не старится.

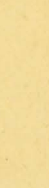
Он просел с конем да богатырскиим,
Он попал в подкопы-то во другие —
Его добрый конь да сам повыскочил
Да Илью с собой повызданул.
Он пустил коня да богатырского
По тому раздольицу чисту полю
Во тую во силушку великую,
Стал конем топтать да и копьем колоть,
И он бьет-то силу, как траву косит,—
У Ильи-то сила меньше ведь не ставится,
На добром коне сидит Илья, не старится.
Он попал в подкопы-то во третии,
Он просел с конем в подкопы-то глубокие,
Его добрый конь да богатырския
Еще с третиих подкопов он повыскочил,
Да с собой Илью он не повызданул.
Соскользнул Илья да со добра коня,
И остался он в подкопе во глубокоем.

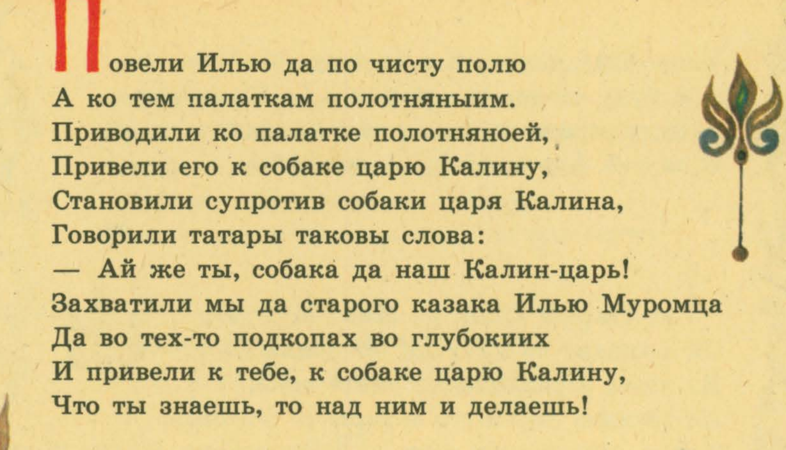

Да пришли татары-то поганые,
Да хотели захватить они добра коня.
Его конь-то богатырския
Не сдается им во белы руки —
Убежал-то добрый конь да во чисто поле.

Тут пришли татары-то поганые,
Нападали на старого казака Илью Муромца,
А й сковали ему ножки резвые
И связали ему ручки белые.
Говорили-то татары таковы слова:
— Отрубить ему да буйную головушку!

Говорят ины татары таковы слова:
— А й не надо рубить ему буйной головы —
Мы сведем Илью к собаке царю Калину,
Что он хочет, то над ним да сделает.

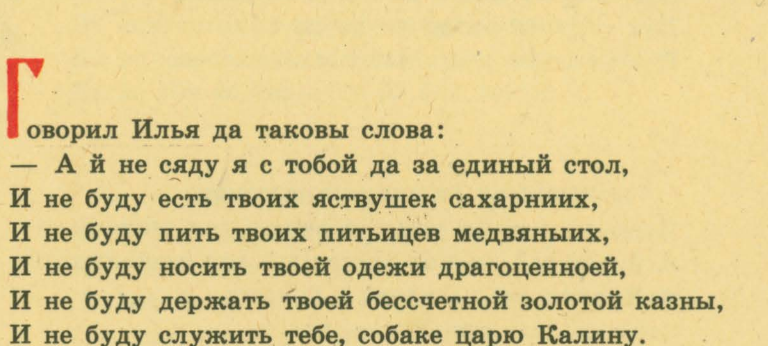

Повели Илью да по чисту полю
А ко тем палаткам полотняныим.
Приводили ко палатке полотняноей,
Привели его к собаке царю Калину,
Становили супротив собаки царя Калина,
Говорили татары таковы слова:
— Ай же ты, собака да наш Калин-царь!
Захватили мы да старого казака Илью Муромца
Да во тех-то подкопах во глубокиих
И привели к тебе, к собаке царю Калину,
Что ты знаешь, то над ним и делаешь!

Тут собака Калин-царь говорит Илье да таковы слова:
— Ай ты, старыя казак да Илья Муромец!
Молодой щенок да напустил на силу на великую,
Тебе где-то одному побить силу мою великую!
Вы раскуйте-тко Илье да ножки резвые,
Развяжите-тко Илье да ручки белые.

Исковали ему ножки резвые,
Развязали ему ручки белые.
Говорил собака Калин-царь да таковы слова:
— Ай же старыя казак да Илья Муромец!
Да садись-ка ты со мной а за единый стол.
Ешь-ка яствушку мою сахарную,
Да и пей-ка мои питьица медвяные,
И одень-ка ты мою одежду драгоценную,
И держи-тко мою золоту казну,
Золоту казну держи по надобью —
Не служи-тко ты князю Владимиру,
Да служи-тко ты собаке царю Калину.

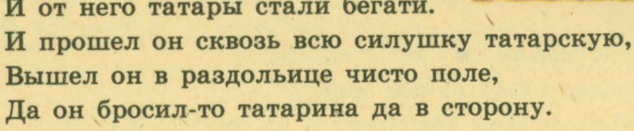

Говорил Илья да таковы слова:
— А й не сяду я с тобой да за единый стол,
И не буду есть твоих яствушек сахарниих,
И не буду пить твоих питьицев медвяныих,
И не буду носить твоей одежи драгоценноей,
И не буду держать твоей бессчетной золотой казны,
И не буду служить тебе, собаке царю Калину.

Еще буду служить я за веру, за отечество,
А й буду стоять за стольный за Киев-град,
А буду стоять за князя за Владимира
И со той Апраксой-королевичной.

Тут старый казак да Илья Муромец
Он выходит со палатки полотняноей
Да ушел в раздольице чисто поле.
Да теснить стали его татары-то поганые,
Хотят обневолить они старого казака Илью Муромца,
А у старого казака Ильи Муромца
При себе да не случилось-то доспехов крепкиих,
Нечем-то ему с татарами да попротивиться.

Старыя казак Илья Муромец
Видит он — дело немалое.
Да схватил татарина он за ноги,
Так стал татарином помахивать,
Стал он бить татар татарином —
И от него татары стали бегати.
И прошел он сквозь всю силушку татарскую,
Вышел он в раздольице чисто поле,
Да он бросил-то татарина да в сторону.

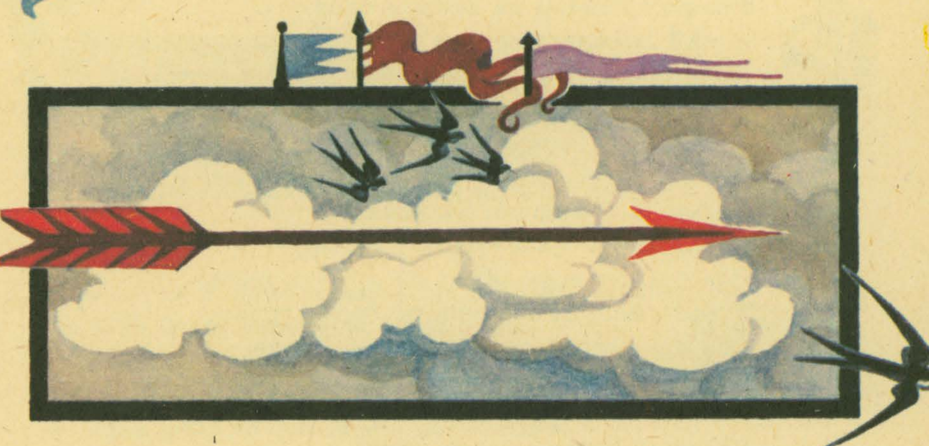
То идет он по раздольицу чисту полю,
При себе-то нет коня да богатырского,
При себе-то нет доспехов крепкиих.
Засвистал в свисток Илья он богатырскии —
Услыхал его добрый конь во чистом поле,
Прибежал он к старому казаку Илье Муромцу.
Еще старыя казак да Илья Муромец
Как садился он да на добра коня
И поехал по раздольицу чисту полю.

Выскочил он на гору на высокую,
Посмотрел-то он под восточную под сторону —
А й под той ли под восточной под сторонушкой,
А й у тех ли у шатров у белых
Стоят добры кони богатырские.

А тут старый-то казак да Илья Муромец
Опустился он да со добра коня,
Брал свой тугой лук разрывчатый в белы ручки,
Натянул тетивочку шелковеньку,
Наложил он стрелочку каленую,
И он спускал ту стрелочку во бел шатер.

Говорил Илья да таковы слова:
— А лети-тко, стрелочка каленая,

А лети-тко, стрелочка, во бел шатер,
Да сними-тко крышу со бела шатра,
Да пади-тко, стрелка, на белы груди
К моему ко батюшке ко крестному,
Проскользни-тко по груди ты по белыя,
Сделай-ко царапину да маленьку,
Маленьку царапинку да невеликую.
Он и спит там, прохлаждается,
А мне здесь-то одному да мало можется.

И он спустил как эту тетивочку шелковую
Да спустил он эту стрелочку каленую,
Да просвистнула как эта стрелочка каленая
Да во тот во славныи во бел шатер.

Она сняла крышу со бела шатра,
Пала она, стрелка, на белы груди
Ко тому ли то Самсону ко Самойловичу,
По белой груди ведь стрелочка скользнула-то,
Сделала она царапинку-то маленьку.

Ай тут славныя богатырь святорусския
А й Самсон-то ведь Самойлович
Пробудился-то Самсон от крепка сна,
Пораскинул свои очи ясные —
Да как снята крыша со бела шатра,
Пролетела стрелочка по белой груди.
Она сделала царапинку да по белой груди.

И он скорёшенько стал на резвы ноги,
Говорил Самсон да таковы слова:
— Ай же славные мои богатыри вы святорусские,
Вы скорёшенько седлайте-тко добрых коней,
Да садитесь-тко вы на добрых коней!
Мне от крестничка да от любимого
Прилетели-то подарочки да нелюбимые —
Долетела стрелочка каленая
Через мой-от славный бел шатер,
Она крышу ведь сняла да со бела шатра,
Проскользнула стрелка по белой груди,
Она царапинку дала по белой груди,
Только малу царапинку дала, невеликую:
Погодился мне, Самсону, крест на вороте —
Крест на вороте шести пудов.
Кабы не был крест да на моей груди,
Оторвала бы мне буйну голову.

Тут богатыри все святорусские
Скоро ведь седлали да добрых коней,
И садились молодцы да на добрых коней
И поехали раздольицем чистым полем
Ко тому ко городу ко Киеву,
Ко тем они силам ко татарскиим.

А со той горы да со высокой-то
Усмотрел ли старыя казак да Илья Муромец,
А что едут ведь богатыри чистым полем,
А что едут ведь да на добрых конях.
И спустился он с горы высокой-то,
И подъехал он к богатырям ко святорусскиим —
Их двенадцать-то богатырей, Илья тринадцатый.
И приехали они ко силушке татарскоей,
Припустили коней богатырскиих,
Стали бить-то силушку татарскую,
Притоптали тут всю силушку великую
И приехали к палатке полотняноей.

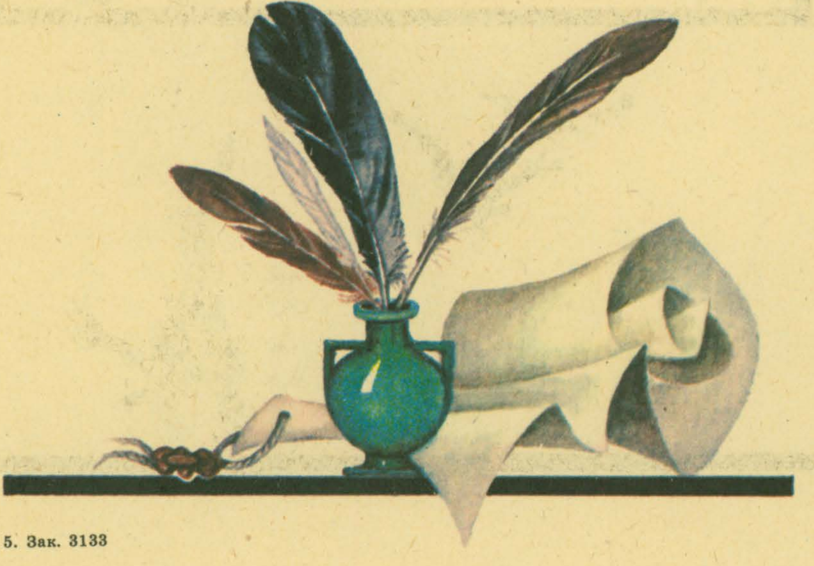
А сидит собака Калин-царь в палатке полотняноей.
Говорят-то как богатыри да святорусские:
— А срубить-то буйную головушку
А тому собаке царю Калину.

Говорил старой казак да Илья Муромец:
— А почто рубить ему да буйную головушку?
Мы свеземте-тко его во стольный Киев-град
Да й ко славному ко князю ко Владимиру.

Привезли его собаку царя Калина,
А во тот во славный Киев-град
Да ко славному ко князю ко Владимиру,
Привели его в палату белокаменну
Да ко славному ко князю ко Владимиру.

Тут Владимир-князь да стольно-киевский
Он берет собаку за белы руки
И садил его за столики дубовые,
Кормил его яствушкой сахарною
Да поил-то питьицем медвяным.
Говорил ему собака Калин-царь да таковы слова:
— Ай же ты, Владимир-князь да стольно-киевский,
Не сруби-тко мне да буйной головы!
Мы напишем промеж собой записи великие:
Буду тебе платить дани век и по веку
А тебе-то, князю, я Владимиру!

А тут той старинке и славу поют,
А по тыих мест старинка и покончилась.

5. Зак. 3133

Алёша Попович и Тугарин Змеевич

Из СЛАВНОГО Ростова красна города
Как два ясные сокола вылётывали —
Выезжали два могучие богатыря:
Что по имени Алешенька Попович млад
А со молодым Якимом Ивановичем.
Они ездят, богатыри, плечо о плечо,
Стремено в стремено богатырское.

Они ездили-гуляли по чисту полю,
Ничего они в чистом поле не наезживали,
Не видали они птицы перелетныя,
Не видали они зверя рыскучего.

Только в чистом поле наехали —
Лежат три дороги широкие,
Промежу тех дорог лежит горюч камень,
А на камени подпись подписана.

Былина дается в сокращении.

Взговорит Алеша Попович млад:
— А и ты, братец Яким Иванович,
В грамоте поученый человек,
Посмотри на камени подписи,
Что на камени подписано.

Искочил Яким со добра коня,
Посмотрел на камени подписи.
Расписаны дороги широкие:
Первая дорога в Муром лежит,
Другая дорога — в Чернигов-град,
Третья — ко городу ко Киеву,
Ко ласкову князю Владимиру.
Говорил тут Яким Иванович:
— А и братец Алеша Попович млад,
Которой дорогой изволишь ехать?

Говорил ему Алеша Попович млад:
— Лучше нам ехать ко городу ко Киеву,
Ко ласкову князю Владимиру.—
В те поры поворотили добрых коней
И поехали они ко городу ко Киеву...

А и будут они в городе Киеве
На княженецком дворе,
Скочили со добрых коней,
Привязали к дубовым столбам,
Пошли во светлы гридни,
Молятся спасову образу
И бьют челом, поклоняются
Князю Владимиру и княгине Апраксеевне
И на все четыре стороны.

Говорил им ласковый Владимир-князь:
— Гой вы еси [1], добры молодцы!

[1] Пожелание здоровья, приветствие, приблизительно соответствующее сегодняшнему «Будьте здоровы!». Гой от слова «гоить» — исцелять, живить, ухаживать.

Скажитеся, как вас по имени зовут —
А по имени вам можно место дать,
По изотечеству можно пожаловать.

Говорит тут Алеша Попович млад:
— Меня, осударь, зовут Алешею Поповичем,
Из города Ростова, старого попа соборного.

В те поры Владимир-князь обрадовался,
Говорил таковы слова:
— Гой еси, Алеша Попович млад!
По отечеству садися в большое место, в передний уголок,
В другое место богатырское,
В дубову скамью против меня,
В третье место, куда сам захошь.

Не садился Алеша в место большее
И не садился в дубову скамью —
Сел он со своим товарищем на палатный брус.

Мало время позамешкавши,
Несут Тугарина Змеевича
На той доске красна золота
Двенадцать могучих богатырей,
Сажали в место большее,
И подле него сидела княгиня Апраксеевна.
Тут повары были догадливы —
Понесли яства сахарные и питья медвяные,
А питья всё заморские,
Стали тут пить-есть, прохлаждатися.

А Тугарин Змеевич нечестно хлеба ест,
По целой ковриге за щеку мечет —
Те ковриги монастырские,
И нечестно Тугарин питья пьет —
По целой чаше отхлестывает,
Котора чаша в полтретья ведра.

И говорит в те поры Алеша Попович млад:
— Гой еси ты, ласковый осударь Владимир-князь!
Что у тебя за болван пришел?
Что за дурак неотесанный?
Нечестно у князя за столом сидит,
Княгиню он, собака, целует во уста сахарные,
Тебе, князю, насмехается.
А у моего сударя-батюшки
Была собачища старая,

Насилу по подстолью таскалася,
И костью та собака подавилася —
Взял ее за хвост, под гору махнул.
От меня Тугарину то же будет!—
Тугарин почернел, как осенняя ночь.
Алеша Попович стал как светел месяц.

И опять в те поры повары были догадливы —
Носят яства сахарные и принесли лебедушку белую.
И ту рушала княгиня лебедь белую [1],
Обрезала рученьку левую,
Завернула рукавцем, под стол опустила,
Говорила таковы слова:
— Гой еси вы, княгини-боярыни!
Либо мне резать лебедь белую,
Либо смотреть на мил живот,
На молода Тугарина Змеевича!—

[1] Рушала княгиня лебедь белую...—резала жареную лебедь.

Он, взявши, Тугарин, лебедь белую,
Всю вдруг проглотил,
Еще ту ковригу монастырскую.

Говорит Алеша на палатном брусу:
— Гой еси, ласковый осударь Владимир-князь!
Что у тебя за болван сидит?

Что за дурак неотесанный?
Нечестно за столом сидит,
Нечестно хлеба с солью ест —
По целой ковриге за щеку мечет
И целу лебедушку вдруг проглотил.
У моего сударя-батюшки,
Федора, попа ростовского,
Была коровища старая,
Насилу по двору таскалася,
Забилася на поварню к поварам,
Выпила чан браги пресныя,
От того она лопнула.
Взял за хвост, под гору махнул.
От меня Тугарину то же будет!

Тугарин потемнел,
Как осенняя ночь,
Выдернул кинжалище булатное,
Бросил в Алешу Поповича.
Алеша на то-то вёрток был,
Не мог Тугарин попасть в него.

Подхватил кинжалище Яким Иванович,
Говорил Алеше Поповичу:
— Сам ли бросаешь в него или мне велишь?
— Нет, я сам не бросаю и тебе не велю!
Заутра с ним переведаюсь.
Бьюсь я с ним о велик заклад —
Не о ста рублях, не о тысяче,
А бьюсь о своей буйной голове.—

В те поры князья и бояра
Скочили на резвы ноги
И все за Тугарина поруки держат:
Князья кладут по сто рублей,
Бояре по пятьдесят, крестьяне по пяти рублей;
Тут же случилися гости купеческие —
Три корабля свои подписывают
Под Тугарина Змеевича,
Всякие товары заморские,
Которы стоят на быстром Днепре,
А за Алешу подписывал владыка черниговский.

В те поры Тугарин взвился и вон ушел,
Садился на своего добра коня,
Поднялся на бумажных крыльях [1] по поднебесью летать.
Скочила княгиня Апраксеевна на резвы ноги,
Стала пенять Алеше Поповичу:
— Деревенщина ты, засельщина!
Не дал посидеть другу милому!

В те поры Алеша не слушался,
Взвился с товарищем и вон пошел,
Садилися на добрых коней,
Поехали ко Сафат-реке,
Поставили белы шатры,
Стали опочив держать,
Коней отпустили в зелены луга.

[1] Поднялся на бумажных крыльях...— крылья Тугарина были названы бумажными не ранее XVIII века, когда в быт вошли тканевые (бумажные) безрукавные накидки от дождя. Полы накидки назывались крыльями.

Тут Алеша всю ночь не спал,
Молился богу со слезами:
— Создай, боже, тучу грозную,
А и тучу-то с градом-дождя!—

Алешины молитвы доходчивы —
Дает господь бог тучу с градом-дождя.
Замочило Тугарину крылья бумажные,
Падает Тугарин, как собака, на сыру землю.
Приходил Яким Иванович,
Сказал Алеше Поповичу,
Что видел Тугарина на сырой земле.

И скоро Алеша наряжается,
Садился на добра коня,
Взял одну сабельку острую
И поехал к Тугарину Змеевичу.

Увидел Тугарин Змеевич Алешу Поповича,
Заревел зычным голосом:
— Гой еси, Алеша Попович млад!
Хошь ли, я тебя огнем спалю,
Хошь ли, Алеша, конем стопчу,
Али тебя, Алеша, копьем заколю?

Говорил ему Алеша Попович млад:
— Гой ты еси, Тугарин Змеевич млад.
Бился ты со мной о велик заклад
Биться-драться един на един,
А за тобою ноне силы — сметы нет.—
Оглянется Тугарин назад себя —
В те поры Алеша подскочил, ему голову срубил.
И пала голова на сыру землю, как пивной котел.

Алеша соскочил со добра коня,
Отвязал чембур от добра коня
И проколол уши у головы Тугарина Змеевича,
И привязал к добру коню,
И привез в Киев-град на княженецкий двор,
Бросил середи двора княженецкого.

И увидел Алешу Владимир-князь,
Повел во светлы гридни,
Сажал за убраны столы;
Тут для Алеши и стол пошел.

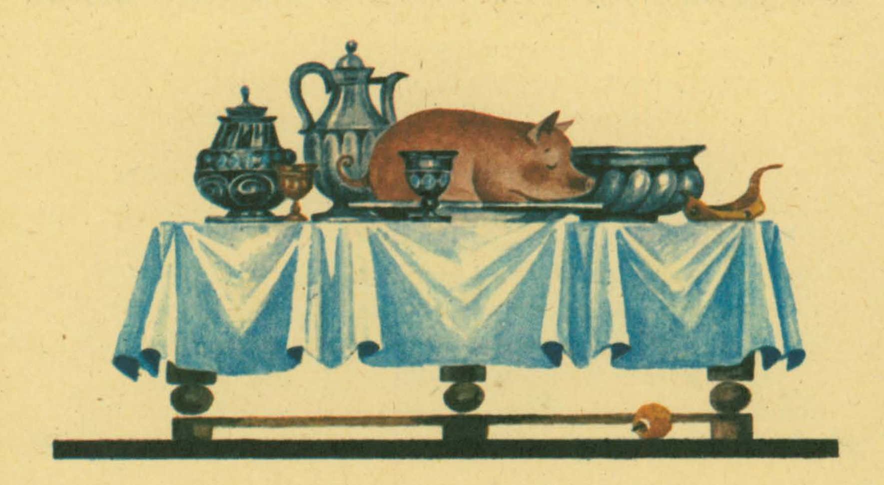

Сколько время покушавши,
Говорил Владимир-князь:
— Гой еси, Алеша Попович млад!
Час ты мне свет дал.
Пожалуй, ты живи в Киеве,
Служи мне, князю Владимиру...

В те поры Алеша Попович млад
Князя не ослушался,
Стал служить верой и правдою.
А княгиня говорила Алеше Поповичу:
— Деревенщина ты, засельщина!
Разлучил меня с другом милыим,
С молодым Змеем Тугаретином!..

То старина, то и деяние.

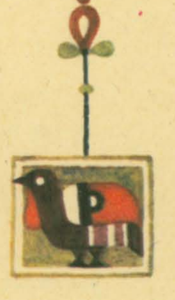

Добрыня и Алёша

В СТОЛЬНОМ городе во Киеве,
А у ласкового князя у Владимира,
Заводился у князя почестен пир
А на многи князя, на бояра
И на все поляницы удалые.
Все на пиру напивалися,
Все на пиру наедалися,
Все на пиру да пьяны-веселы.

Говорит Владимир стольно-киевский:
— Ай же вы князи мои бояра,
Сильные, могучие богатыри!
А кого мы пошлем в Золоту Орду
Выправлять-то даней-выходов
А за старые годы, за новые —
За двенадцать лет.

А Алешу Поповича нам послать,
Так он, молодец, холост не женат:
Он с девушками загуляется,
С молодушками он да забалуется.

А пошлемте мы Добрынюшку Никитича:
Он молодец женат, не холост,
Он и съездит нынь в Золоту Орду,
Выправит дани-выходы
Да за двенадцать лет.

Написали Добрыне Никитичу посольный лист.
А приходит Добрынюшка Никитинич к своей матушке,
А к честной вдове Амельфе Тимофеевне,
Просит у ней прощеньица-благословеньица:
— Свет государыня, моя матушка!
Дай ты мне прощение-благословеньицо
Ехать-то мне в Золоту Орду,
Выправлять-то дани-выходы
За двенадцать лет.

Остается у Добрыни молода жена,
Молода жена, любима семья,
Молода Настасья Микулична.

Поезжат Добрыня, сам наказыват:
— Уж ты ай же моя молода жена,
Молода жена, любима семья,
Жди-тко ты Добрыню с чиста поля меня три года.
Как не буду я с чиста поля да перво три года,
Ты еще меня жди да и друго три года.
Как не буду я с чиста поля да друго три года,
Да ты еще меня жди да третьё три года,
Как не буду я с чиста поля да третьё три года,
А там хоть ты вдовой живи, а хоть замуж поди,
Хоть за князя поди, хоть за боярина,
А хоть за сильного поди ты за богатыря.
А только не ходи ты за смелого Алешу Поповича,
Смелый Алеша Попович мне крестовый брат [1],
А крестовый брат паче родного.—

Как видели-то молодца седучись,
А не видели удалого поедучись.

[1] Крестовый брат.— Добрыня и Алеша обменялись нательными крестами и стали «крестовыми братьями».

Да прошло тому времечки девять лет,
А не видать-то Добрыни из чиста поля.
А как стал-то ходить князь Владимир свататься
Да на молодой Настасье Микуличне
А за смелого Алешу Поповича:
— А ты с-добра не пойдешь, Настасья Микулична,
Так я тебя возьму в портомойницы,
Так я тебя возьму еще в постельницы,
Так я тебя возьму еще в коровницы.

Ах ты, солнышко Владимир стольно-киевский!
Ты еще прожди-тко три года.
Как не будет Добрыня четверто три года,
Так я пойду за смелого Алешу за Поповича.

Да прошло тому времени двенадцать лет,
Не видать, не видать Добрынюшки с чиста поля.
Ай тут пошла Настасья Микулична
Да за смелого Алешу Поповича.
Да пошли они пировать-столовать к князю Владимиру.

Ажно мало и по мало из чиста поля
Наезжал удалой дородный добрый молодец,
А сам на коне быв ясен сокол,
А конь тот под ним будто лютый зверь.
Приезжает ко двору да ко Добрынину,
Приходит Добрыня Никитич тут
В дом тот Добрыниный.

Он крест тот кладет по-писаному,
Да поклон тот ведет по-ученому,
Поклон ведет да сам здравствует:
— Да ты здравствуй, Добрынина матушка!
Я вчера с твоим Добрынюшкой разъехался,
Он велел подать гусли скоморошные,
Он велел подать платья скоморошьии,
Он велел подать дубинку скоморошьюю
Да идти мне ко князю Владимиру да на почестен пир.—

Говорит тут Добрынина матушка:
— Отойди прочь, детина засельщина,
Ты засельщина детина, деревенщина!
Как ходят старухи кошельницы,
Только носят вести недобрые:
Что лежит убит Добрынюшка в чистом поле,
Головой лежит Добрыня ко Пучай-реке,
Резвыми ножками Добрыня во чисто поле,
Скрозь его скрозь кудри скрозь желтые
Проросла тут трава муравая,
На траве расцвели цветочки лазуревы,
Как его-то теперь молода жена,
Молода жена, любима семья,
Да выходит-то за смелого Алешу за Поповича.

Он ей и говорит-то второй након:
— Да ты здравствуй ли, Добрынина матушка,
Ты честна вдова Амельфа Тимофеевна!
Я вчера с твоим Добрынюшкой разъехался.
Он велел подать гусли скоморошные,
Он велел подать платья скоморошьии,
Он велел подать дубинку скоморошьюю,
Да идти мне к князю Владимиру да на почестен пир.

Отойди прочь, детина засельщина!
Кабы было живо мое красное солнышко,
Молодой тот Добрынюшка Никитинич,
Не дошло бы те невеже насмехатися,
Уж не стало моего красного солнышка,
Да не что мне делать с платьями скоморошьими,
Да не что мне делать с гуслями скоморошьими,
Да не что мне делать с дубинкой скоморошьею.

Тут-то ходила в погреба глубоки,
Принесла она платья скоморошьии,
Приносила гуселышки яровчаты,
Принесла она дубину скоморошьюю.

Тут накрутился молодой скоморошинко,
Удалый добрый молодец,
Да пошел он к князю Владимиру на почестен пир.

Приходил он во гридню столовую,
Он крест тот кладет по-писаному,
Да поклон ведет по-ученому,
Он кланяется да поклоняется
Да на все на четыре на стороны.
Он кланяется там и здравствует:
— Здравствуй, солнышко Владимир стольно-киевский,
Да со многими с князьями и со боярами,
Да со русскими могучими богатырями,
Да со своей-то с душечкой с княгиней со Апраксией!

Говорит ему князь Владимир стольно-киевский:
— Да ты поди-тко, молода скоморошинка!
А вси тыи места у нас нынь заняты,
Да только местечка немножечко
На одной-то печке на муравленой.

Да тут скочил молода скоморошинка
А на тую-ту печку на муравлену,
Заиграл он в гуселушки яровчаты.
Он первую завел от Киева до Еросолима,
Он другу завел от Еросолима да до Царяграда [1],
А все пошли напевки-ты Добрынины.

Ай тут-то князь Владимир распотешился,
Говорит он молодой скоморошинке:
— Поди-тко сюды, молода скоморошинка!
А я тебе дам теперь три места:
А первое-то место подле меня,
А другое место опротив меня,
Третьёё противо княгини Настасьи Микуличны.—

---

[1] То есть на манер, вынесенный из далеких мест: Царьграда, Иерусалима, а также, как играли в Киеве.

6. Зак. 3133

А тут-то молода скоморошинка
Садился он в скамейку дубовую,
Да противо Настасьи Микуличны.
А тут-то Настасья Микулична
Наливала она чару зелена вина в полтора ведра
Да турий тот рог меду сладкого,
Подносила она Добрынюшке Никитичу.

А й тут-то Добрынюшка Никитинич
Да брал он чару зелена вина в полтора ведра,
А брал он чару единой рукой,
Выпивал он чару на единый дух,
Да й турий рог выпил меду сладкого,
Да спускал он в чару перстень злаченый,
Которым перстнем с ней обручался он.
Да говорит он Настасье Микуличне:
— Ты гляди-тко, Настасья Микулична,
Во чару гляди-тко злачёную.

Как поглядела Настасья Микулична
В тую чару золочёную,
Взяла в руки злачён перстень.
Говорит тут Настасья Микулична:
— Да не тот муж — который подле меня сидит,
А тот мой муж — который противо меня сидит.

А тут-то Добрыня Никитинич,
Да скочил Добрыня на резвы ноги,
Да брал Алешу за желты кудри,
Да он выдергивал из-за стола из-за дубового,
А стал он по гридне потаскивать,
Да стал он Алеше приговаривать:
— Не дивую я разуму женскому,
Да дивую я ти, смелый Алеша Попович ты,
А ты-то, Алешенька, да мне крестовый брат.
Да еще тебе дивую, старый ты
Князь Владимир стольно-киевский!
А сколько я те делал выслуг-то великиих,
А ты все, Владимир, надо мной надсмехаешься.

Да а теперь я выправил из Золотой Орды,
Выправил дани и выходы
За старые годы, за новые.
Везут тебе три телеги ордынские:
Три телеги злата и серебра.

Тут он взял свою молоду жену,
Молоду жену, любиму семью,
Да повел Добрыня к своей матушке.

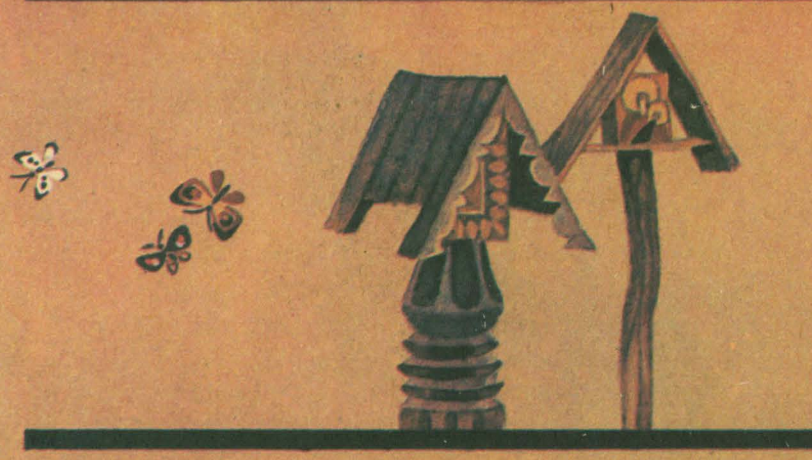

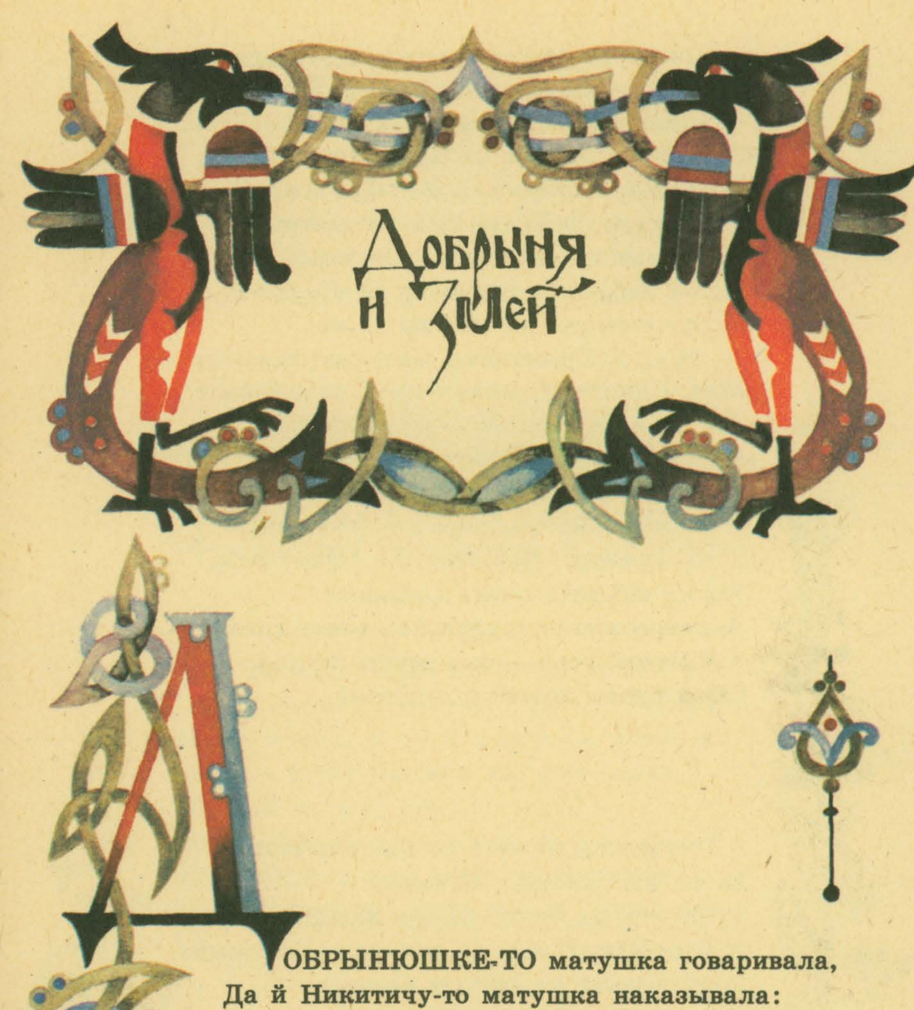
Да а тут ли Алешенька Попович тот,
Да ходит по гридне окоракою,
А сам ходит приговариват:
— Да всяк-то на сем свете женится,
Да не всякому женитьба удавается.

А только Алешенька женат бывал.

ДОБРЫНЮШКЕ-ТО матушка говаривала,
Да й Никитичу-то матушка наказывала:
— Ты не езди-ка далече во чисто поле,
На тую гору да сорочинскую,
Не топчи-ка младыих змеенышей,
Ты не выручай-ка полонов да русскиих,
Не куплись, Добрыня, во Пучай-реке [1],
Та Пучай-река очень свирепая,
А середняя-то струйка как огонь сечет!

А Добрыня своей матушки не слушался.
Как он едет далече во чисто поле,
А на тую на гору сорочинскую,
Потоптал он младыих змеенышей,
А й повыручил он полонов да русскиих.

---

[1] Пучай-река — небольшая река Почайна, в которой, по преданию, крестили киевлян; протекала на месте современного Крещатика.

Богатырско его сердце распотелося,
Распотелось сердце: нажаделося —
Он приправил своего добра коня,
Он добра коня да ко Пучай-реке,
Он слезал, Добрыня, со добра коня,
Да снимал Добрыня платье цветное,
Да забрел за струечку за первую,
Да он забрел за струечку за среднюю
И сам говорил да таковы слова:
— Мне, Добрынюшке, матушка говаривала,
Мне, Никитичу, маменька й наказывала:
Что не езди-ка далече во чисто поле,
На тую гору на сорочинскую,
Не топчи-ка младых змеенышей,
А не выручай полонов да русскиих,
И не куплись, Добрыня, во Пучай-реке,
Но Пучай-река очень свирепая,
А середняя-то струйка как огонь сечет!
А Пучай-река — она кротка-смирна,
Она будто лужа-то дождёвая!

Не успел Добрыня словца смолвити —
Ветра нет, да тучу нанесло,
Тучи нет, да будто дождь дождит,
А й дождя-то нет, да только гром гремит.
Гром гремит да свищет молния —
А как летит Змеище Горынище
О тыех двенадцати о хоботах.
А Добрыня той Змеи не приужахнется.

Говорит Змея ему проклятая:
— Ты теперича, Добрыня, во моих руках!
Захочу — тебя, Добрыня, теперь потоплю,
Захочу — тебя, Добрыня, теперь съем-сожру,
Захочу — тебя, Добрыня, в хобота возьму,
В хобота возьму, Добрыня, во нору снесу!

Припадает Змея как ко быстрой реке,
А Добрынюшка-то плавать он горазд ведь был:
Он нырнет на бережок на тамошний,
Он нырнет на бережок на здешниий.

А нет у Добрынюшки добра коня,
Да нет у Добрыни платьев цветныих —
Только-то лежит один пухов колпак,
Да насыпан тот колпак да земли греческой [1];
По весу тот колпак да в целых три пуда.
Как ухватил он колпак да земли греческой,
Он шибнет во Змею да во проклятую —
Он отшиб Змеи двенадцать да всех хоботов.

Тут упала-то Змея да на ковыль-траву.
Добрынюшка на ножку он был поверток,
Он скочил на змеиные да груди белые.
На кресте-то у Добрыни был булатный нож —
Он ведь хочет распластать ей груди белые.

А Змея Добрыне ему взмолилася:
— Ах ты, эй, Добрыня сын Никитинич!
Мы положим с тобой заповедь великую:
Тебе не ездити далече во чисто поле,
На тую на гору сорочинскую,
Не топтать больше младых змеенышей,
А не выручать полонов да русскиих,
Не купаться ти, Добрыне, во Пучай-реке.

И мне не летать да на святую Русь,
Не носить людей мне больше русскиих,
Не копить мне полонов да русскиих.

Он повыпустил Змею как с-под колен своих —
Поднялась Змея да вверх под облако.
Случилось ей лететь да мимо Киев-града.
Увидала она князеву племянницу,
Молоду Забаву дочь Потятичну,
Идучи по улице по широкой.
Тут припадает Змея да ко сырой земле,
Захватила она князеву племянницу,
Унесла в нору да во глубокую.

---

[1] Колпак да земли греческой...— головной убор странника по святым местам; насыпанный землей, он превращен в метательное оружие.

Тогда солнышко Владимир стольно-киевский
А он по три дня да тут былиц кликал [1],
А былиц кликал да славных рыцарей:
— Кто бы мог съездить далече во чисто поле,
На тую на гору сорочинскую,
Сходить в нору да во глубокую,
А достать мою, князеву, племянницу,
Молоду Забаву дочь Потятичну?

Говорил Алешенька Левонтьевич:
— Ах ты, солнышко Владимир стольно-киевский!
Ты накинь-ка эту службу да великую
На того Добрыню на Никитича:
У него ведь со Змеею заповедь положена,
Что ей не летать да на святую Русь,
А ему не ездить далече во чисто поле,
Не топтать-то младыих змеенышей
Да не выручать полонов да русскиих.
Так возьмет он князеву племянницу,
Молоду Забаву дочь Потятичну,
Без бою, без драки-кроволития.—

Тут солнышко Владимир стольно-киевский
Как накинул эту службу да великую
На того Добрыню на Никитича —
Ему съездить далече во чисто поле
И достать ему князеву племянницу,
Молоду Забаву дочь Потятичну.

Он пошел домой, Добрыня, закручинился,
Закручинился Добрыня, запечалился.

---

[1] Былиц кликал.— Былица — знахарка, гадающая по травам (от слова «былье» — коренье, растение). Владимир хочет узнать у былиц, куда унесена Забава.

Встречает государыня да родна матушка,
Та честна вдова Офимья Александровна:
— Ты эй, рожёно мое дитятко,
Молодой Добрыня сын Никитинец!
Ты что с пиру идешь не весел-де?
Знать, что место было ти не по чину[1],
Знать, чарой на пиру тебя приобнесли
Аль дурак над тобою насмеялся-де?

Говорил Добрыня сын Никитинец:
— Ты эй, государыня да родна матушка,
Ты честна вдова Офимья Александровна!
Место было мне-ка по чину,
Чарой на пиру меня не обнесли,
Да дурак-то надо мной не насмеялся ведь,
А накинул службу да великую
А то солнышко Владимир стольно-киевский,
Что съездить далече во чисто поле,
На тую гору да на высокую,
Мне сходить в нору да во глубокую,
Мне достать-то князеву племянницу,
Молоду Забаву дочь Потятичну.—

Говорит Добрыне родна матушка,
Честна вдова Офимья Александровна:
— Ложись-ко спать да рано с вечера,
Так утро будет очень мудрое —
Мудренее утро будет оно вечера.

Он вставал по утрушку ранёшенько,
Умывается да он белешенько,
Снаряжается он хорошохонько.

---

[1] Место было ти (тебе) не по чину...— Места за столом у князя распределялись между приглашенными по родовитости. Возникали обиды и ссоры из-за места, если приглашенный считал, что его усадили не «по чину». Это черта более поздняя, чем время сложения былины.

Да идет на конюшню на стоялую,
А берет в руки узду он да тесьмяную,
А берет он дедушкова да ведь добра коня.
Он поил Бурка питьем медвяным,
Он кормил пшеной да белояровой,
Он седлал Бурка в седёлышко черкасское,
Он потнички да клал на потнички,
Он на потнички да кладет войлочки,

Клал на войлочки черкасское седёлышко,
Всех подтягивал двенадцать тугих подпругов,
Он тринадцатый-от клал да ради крепости,
Чтобы добрый конь-от с-под седла не выскочил,
Добра молодца в чистом поле не вырутил.
Подпруги были шелковые,
А шпеньки у подпруг всё булатные,
Пряжки у седла да красна золота —
Тот да шелк не рвется, да булат не трется,
Красно золото не ржавеет,
Молодец-то на коне сидит да сам не стареет[1].

---

[1] Молодец-то на коне сидит да сам не стареет.— Стих мог быть заимствован из былины о Ставре, где герой похваляется слугами, которых часто меняет — держит только молодых: поэтому они «не стареют».

Поезжал Добрыня сын Никитинец,
На прощанье ему матушка да плетку подала,
Сама говорила таковы слова:
— Как будешь далече во чистом поле,
На тыи горы да на высокия,
Потопчешь младыих змеенышей,
Повыручишь полонов да русскиих,
Как тыи-то младые змееныши
Подточат у Бурка как они щеточки,
Что не сможет больше Бурушко поскакивать,
А змеенышей от ног да он отряхивать,
Ты возьми-ка эту плеточку шелковую,
А ты бей Бурка да промежу ноги,
Промежу ноги да промежу уши,
Промежу ноги да межу задние,—
Станет твой Бурушко поскакивать,
А змеенышей от ног да он отряхивать —
Ты притопчешь всех да до единого.

Как будет он далече во чистом поле,
На тыи горы да на высокия,
Потоптал он младыих змеенышей.
Как тыи ли младые змееныши
Подточили у Бурка как они щеточки,
Что не может больше Бурушко поскакивать,
Змеенышей от ног да он отряхивать.

Тут молодой Добрыня сын Никитинец
Берет он плеточку шелковую,
Он бьет Бурка да промежу уши,
Промежу уши да промежу ноги,
Промежу ноги межу задние.
Тут стал его Бурушко поскакивать,
А змеенышей от ног да он отряхивать,
Притоптал он всех да до единого.

Выходила как Змея она проклятая
Из тыи норы да из глубокия,
Сама говорит да таковы слова:
— Ах ты, эй, Добрынюшка Никитинец!

Ты, знать, порушил свою заповедь.
Зачем стоптал младыих змеенышей,
Почто выручал полоны да русские?—
Говорил Добрыня сын Никитинец:
— Ах ты, эй, Змея да ты проклятая!
Черт ли тя нес да через Киев-град,
Ты зачем взяла князеву племянницу,
Молоду Забаву дочь Потятичну?
Ты отдай же мне-ка князеву племянницу
Без боя, без драки-кроволития.

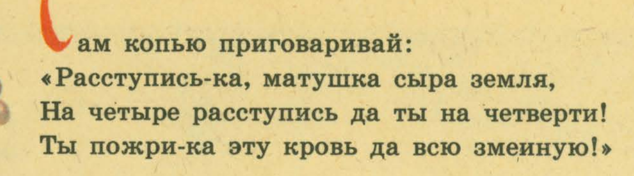
Тогда Змея она проклятая
Говорила-то Добрыне да Никитичу:
— Не отдам я тебе князевой племянницы
Без боя, без драки-кроволития!

Заводила она бой-драку великую.
Они дрались со Змеею тут трои сутки,
Но не мог Добрыня Змею перебить.
Хочет тут Добрыня от Змеи отстать —
Как с небес Добрыне ему глас гласит:
— Молодой Добрыня сын Никитинец!
Дрался со Змеею ты трои сутки,
Подерись со Змеей еще три часа:
Ты побьешь Змею да ю, проклятую!

Он подрался со Змеею еще три часа,
Он побил Змею да ю проклятую,—
Та Змея, она кровью пошла.

Стоял у Змеи он тут трои сутки,
А не мог Добрыня крови переждать.
Хотел Добрыня от крови отстать,
Но с небес Добрыне опять глас гласит:
— Ах ты, эй, Добрыня сын Никитинец!
Стоял у крови ты тут трои сутки —
Постой у крови да еще три часа,
Бери свое копье да мурзамецкое
И бей копьем да во сыру землю,

Сам копью приговаривай:
«Расступись-ка, матушка сыра земля,
На четыре расступись да ты на четверти!
Ты пожри-ка эту кровь да всю змеиную!»

Расступилась тогда матушка сыра земля,
Пожрала она кровь да всю змеиную.

Тогда Добрыня во нору пошел,
Во тыи в норы да во глубокие.
Там сидит сорок царей, сорок царевичей,
Сорок королей да королевичей,
А простой-то силы — той и сметы нет.
Тогда Добрынюшка Никитинец
Говорил-то он царям да он царевичам
И тем королям да королевичам:
— Вы идите нынь туда, откель принесены.
А ты, молода Забава дочь Потятична,—
Для тебя я эдак теперь странствовал —
Ты поедем-ка ко граду ко Киеву
А й ко ласковому князю ко Владимиру.

И повез молоду Забаву дочь Потятичну.

Алёша и Илья Муромец

В славном было во городе во Ростове,
У того попа Ростовского
Едино было чадо милое,
Удал добрый молодец на возрасте,
По имени Алешенька млад;
И стал Алешенька конем владеть,
И стал Алешенька мечом владеть.
Приходит Алешенька ко своему родителю,
К тому попу Ростовскому,
И падает ему во резвы ноги
И просит у него благословеньица
Ехать да во чисто поле во раздольице,
К тому ли ко синю морю,
На те же тихи заводи —
Стрелять гусей, белых лебедей,
Перистых пушистых серых утицей.
И просил он себе у родного батюшки,
У того ли попа Ростовского,
Себе дружинушку хорошую,
Хорошую да хоробрую.
И дал ему Ростовский поп,
Своему чаду милому,
Благословенье с буйной головы до резвых ног.

7. Зак. 3133

И пошел же Алешенька на конюшен двор
Со своей дружиною хороброю,
И брали они коней добрыих,
Надевали они на коней седелушка черкальские,
И затягивали подпруги шелковые,
И застегивали костылечки булатные
Во ту ли кость лошадиную,
И сами коню приговаривают:
«Уж ты, конь, лошадь добрая!
Не оставь ты, конь, во чистом поле
Серым волкам на растерзанье,
Черным воронам на возграенье,
А сильным поляницам на восхваленье».

Надевали на коней узду тесмяную,
И сами коню приговаривают:
«То не для-ради басы — ради крепости,
А не для-ради поездки богатырския,
Для-ради выслуги молодецкия».

Надевал Алешенька латы кольчужные,
Застегивал пуговки жемчужные
И нагрудничек булатный
И брал свою сбрую богатырскую:
Во-первых, копье долгомерное,
Во-вторых, саблю острую,
Во-третьих, палицу боевую,
В налушничек тугой лук
Да двенадцать стрелочек каленыих;
Не забыл чинжалище, свой острый нож.
Только видели удала, как в стремена вступил,
А не видели поездки богатырския;
Только видели — в чистом поле курево стоит,
Курево стоит да дым столбом валит.

Урек молодцы не стаивали,
Перевоза молодцы не крикивали.
Они ехали из утра день до вечера
И доехали да расстаньюшка великого
На три дорожечки широкие:
Первая дорожечка во Киев-град,
Друга дорожечка во Чернигов-град,
Третья дорожечка ко синю морю,

Ко тому ко камешку ко серому,
Ко тому ко бережку ко крутому,
На те же тихи вешни заводи.

И говорил тут Алеша Попович млад:
«Уж ты гой еси, дружина добрая!
В котору дорожку наш путь лежит —
В Киев ли ехать, аль в Чернигов,
Аль к тому морю синему?»

И говорит дружина хоробрая:
«Уж ты гой еси, Алеша Попович млад!
Если ехать нам да во Чернигов-град,
Есть во Чернигове вина заморские,
Вина заморские да заборчивые;
Есть там калашницы хорошие:
По калачику съедим — по другому хочется,
По другому съедим — по третьему душа горит.
Есть там девушки хорошие:
Если на девушку взглянешь, так загуляешься,
И пройдет про нас славушка немалая,
Ото востока слава до запада,
До того города до Ростовского,
До того ли попа до Ростовского,
До твоего батюшки-родителя.
Поедем-ка мы, Алешенька, в Киев-град
Божьим церквам помолитися,
Честным монастырям поклонитися».

И поехали они ко городу ко Киеву.
Под тем под городом под Киевом
Сослучилося несчастьице великое:
Обостала его сила неверная
Из той орды да великия,
По имени Василий Прекрасный,
И страшно, грозно подымается,
Нехорошими словами похваляется:
Хочет красен Киев в полон взять,
Святые церкви в огонь спустить,
А силу киевску с собой взять,
А князя Владимира повесить,
Евпраксию Никитичну взамуж взять.

И говорил-то тут Алеша Попович млад:
«Уж ты гой еси, дружинушка хоробрая!
Не поедем-ка мы теперича во Киев-град,
А напустимся на рать-силу великую,
На того ли Василия Прекрасного,
И слободим от беды крашен Киев-град;
Выслуга наша не забудется,
А пройдет про нас слава великая
Про выслугу нашу богатырскую,
И узнат про нас старый казак Илья Муромец,
Илья Муромец сын Иванович,
Не дошедши старик нам поклонится».

И попускал он с дружинушкой хороброю
На ту силу-рать великую,
На того Василия Прекрасного,
И прибили тую силу-рать великую —
Кое сами, кое кони топчут,
И разбежалась рать-сила великая
По тому полю широкому,
По тем кустам ракитовым,
Очистила дорожку прямоезжую.

Заезжали они тогда во красен Киев-град,
Ко тем же ко честным монастырям.

И спросил-то их Владимир-князь:
«И откуль таки вы, добры молодцы,
И коими дорогами, каким путем?» —
«Заехали мы дорожкой прямоезжею».

Н не просил их князь на почестен стол,
И садились тут добры молодцы на добрых коней,
И поехали они во чисто поле,
Ко тому ли городу Ростовскому,
Ко тому ли попу Ростовскому.
Прошла славушка немалая
От того ли города Ростовского
До того ли до города до Киева,
До тое ли горы до Черниговки,
До того ли шеломя окатистого,
До тое ли березоньки кудрявыя,
До того ли шатра белополотняного,
До того ли удала добра молодца,
А по имени Ильи Муромца,
Что очистилась дорожка прямоезжая
От того ли Алешеньки Поповича.
И сам же старый да удивляется:
Уж как ездили добры молодцы да по чисту полю,
А не заехали удалы добры молодцы ко старому
Хлеба-соли есть да пива с медом пить.
Садится стар да на добра коня,
Приезжает стар да в красен Киев-град,
Ко тому ли ко столбу точеному,
Ко тому ли колечку ко витому,
Ко тому ли дворцу княжевскому,
Ко тому ли крылечику прекрасному.

Не ясен сокол да опускается,
А то стар казак с коня соскакивает,
Оставляет коня не приказана, не привязана;
Забегает стар на красно крыльцо,
И проходит новы сени,
И заходит во светлу гридню,
И приходит старый, богу молится,
На все стороны поклоняется,
Челом бьет ниже пояса:
«Уж ты здравствуешь, князь стольно-киевский!

Уж ты здравствуешь, Апраксия-королевична!
Поздравляем вас с победою немалою.
Залетали ль сюда добры молодцы,
По имени Алешенька Попович млад
Со своей дружинушкой хороброю?»

Отвечает ему князь стольно-киевский:
«Заезжали добры молодцы ко тем честным монастырям,

Уж я их к себе в дом да не принял,
И уехали они во далече чисто поле».

И сказал тут стар казак:
«Собери-тко-ся, князь Владимир, почестен пир,
Позови-тко-ся Алешу Поповича на почестен пир,
Посади-тко-ся Алешу во большо место
И уподчуй-ка-ся Алешу зеленым вином,
Зеленым вином да медом сладкиим,
И подари-тко-ся Алешу подарочком великиим.
И прошла уж славушка немалая
Про того Алешеньку Поповича
До той орды до великия,
До того Батея Батеевича».—
«Да кого же нам послать за Алешенькой,
Да попросить его на почестен пир?—
И послать нам Добрынюшку Никитича».
И поехал Добрынюшка Никитич млад.

Не дошедши, Добрынюшка низко кланялся:
«Уж ты гой еси, Алеша Попович млад!
Поедем-ка-ся во красен Киев-град,
Ко ласкову князю ко Владимиру,
Хлеба-соли есть да пива с медом пить,
И хочет тебя князь пожаловать».

Ответ держит Алеша Попович млад:
«На приезде гостя не употчевал,
На отъезде гостя не употчевать».

Говорит тут Добрынюшка во второй након:
«Поедем, Алешенька, во красен Киев-град
Хлеба-соли есть, пива с медом пить,
И подарит тебя князь подарочком хорошим.
Да еще звал тебя старый казак
Илья Муромец сын Иванович,
Да звал тебя Дунаюшко Иванович,
Да звал тебя Василий Касимеров,
Да звал тебя Потанюшко Хроменький,
Да звал тебя Михайлушко Игнатьевич».

Тогда садился Алеша на добра коня
С той дружинушкой хороброю,
Поехали они во далече чисто поле,
Ко тому ко граду ко Киеву,
И заезжают они не дорожкой, не воротами,
А скакали через стены городовые,
Мимо тое башенки наугольные,
Ко тому же ко двору княженецкому.

Не ясен сокол с воздуху спускается,
А удалы добры молодцы
Со своих коней соскакивают —
У того же столба у точеного,
У того же колечка золоченого;
А оставили коней неприказанных, непривязанных.

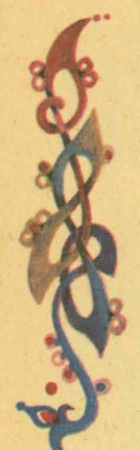
Выходил тут на крыльцо старый казак
Со князем со Владимиром, со княгинюшкой Апраксиею;
По колено-то у Апраксии наряжены ноги в золоте,
А по локоть-то руки в скатном жемчуге,
На груди у Апраксии камень и цены ему нет.
Не дошедши, Апраксия низко поклонилася
И тому же Алешеньке Поповичу:
«Уж многолетно здравствуй, ясен сокол,
А по имени Алешенька Попович млад!
Победил ты немало силы нонь,
И слободил ты наш красен Киев-град
От того ли Василия Прекрасного;
Чем тебя мы станем теперь, Алешу, жаловать?
Пожаловать нам села с приселками,
А города с пригородками!
И тебе будет казна не затворена,
И пожалуй-ка-ся ты к нам на почестен стол».

И брала Алешеньку за белу руку
И вела его в гридни столовые,
Садила за столы дубовые,
За скатерти перчатные,
За кушанья сахарные,
За напитки разналивчатые,
За тую же за матушку белу лебедь.

Да сказал же тут Владимир стольно-киевский:
«Слуги верные, наливайте-ткось зелена вина,
А не малую чарочку — в полтора ведра;
Наливайте-ткось еще меду сладкого,
Наливайте-ткось еще пива пьяного,
А всего четыре ведра с половиною».

И принимает Алешенька одною рукой,
И отдает чело на все четыре стороны,
И выпивал Алешенька чары досуха;
А особенно поклонился старику Илье Муромцу.
И тут-то добры молодцы поназванились:
Назвался старый братом старшиим,
А середниим — Добрынюшка Никитич млад,
А в-третьих — Алешенька Попович млад,

И стали Алешеньку тут жаловать:
Села с приселками, города с пригородками,
А казна-то была ему не закрыта.

И ставал тут Алеша на резвы ноги,
И говорил Алеша таково слово:
«Не надоть мне-ка села с приселками,
Не надоть мне города с пригородками,
Не надоть мне золотой казны,
А дай-ка мне волю по городу Киеву...»

И брал он тут свою дружинушку
Хорошую да хоробрую
И своих братьицей названых.
И гуляли они времени немало тут,—
Гуляли неделю, гуляли две,
А на третью неделю просыпалися,
И садилися удалы на добрых коней,
Поехали во далече чисто поле,
Во то раздольице широкое.

В былинах, которые вы читали или еще прочтете, есть малопонятные, а то и вовсе не известные вам, но довольно часто встречающиеся слова. Понять их смысл, а значит яснее представить себе запечатленное в былинах историческое время поможет вот этот краткий словарь.

Баса, басота — краса, красота; украшение.
Безвременье — недосуг; несчастье, неудача.
Беседа — общество, компания.
Беседка (беседа)— место под навесом на судах; сиденье, скамейка.
Бой — оружие, вооружение.
Братеник (братиник)— названый брат.
Братчина — пир, устраиваемый в складчину.
Брусоменчато копье — четырехгранное, особо прочное.
Буевая (напр., сабелька)— боевая.
Бусы — большие лодки.

Вериги — цепи, путы, кандалы.

Гинуть — погибать.
Гридня (грыня, гривена)— покой, комната для приемов; столовая.
Держать казну — издерживать, тратить.
Дыбучие (напр., болота, луга)— зыбкие, с кочками.

Епанечка (епанча)— женская одежда, безрукавная шубейка.
Ерлыки (ярлыки)— грамоты, письма.

Жалуха — жалость.
Жеребий вольжаный — жребий из дерева.

Замураветь — зарасти муравой, травой.
Заплечный мастер — палач.
Засельщина — неуч, невежа, деревенщина.
Зобать — есть, глотать, жрать (о животных).

Изгиляться — насмехаться, глумиться.
Ископыть — яма от удара копытом, ком земли из-под копыта.
Исполать — хвала, слава; благодарность, спасибо.

Кряковистый (крековистый)— кряжистый, крепкий.
Купавый — красивый, гордый.
Курева — пыль, дым.
Курень — петух.
Косица — висок и надбровье.

Ладно — верно.
Лада (ладушка)— муж (ласкательное).
Латырь-камень — легендарный камень.
Лепота — красота, вид; румянец.
Локоть — мера длины (около 14 вершков).

Меженный день — летний, теплый, долгий.
Могута — мощь.
Мурзамецкое, морзамецкое (напр., копье)— татарское, восточное (от «мурза»— татарский князь).

Нагалище — ножны.
Налучье — чехол для лука и стрел.
Напуск — натиск, нападение, наезд.
Нунеку — нынче.

Обгалиться — насмеяться.
Обжи — оглобли у сохи.
Облыгаться — лгать.
Обручница — невеста.
Одер — кровать.
Окатистый — крутой, обрывистый.
Омешик — лемех, лемешок.
Опальный — плохой, худой (об одежде).
Опочив держать — отдыхать, спать.
Опричь — кроме.
Оратай — пахарь.
Очестливый — вежливый, воспитанный.

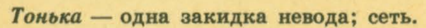

Пабедье — полдник; время около полудня.
Паробок (паробочек)— отрок, слуга.
Печатная сажень — казенная, мерная, в 3 аршина.
Повалуша — спальня.
Поговоря — поговорка, пословица.
Пограянье — карканье.
Подколенные князья — младшие.
Пшена белояровая — просо, кукуруза, в сказках и былинах — конский корм.
Полтретья — два с половиной.
Полтретьяста — двести пятьдесят.
Поляковать — ездить в поле на ратное дело, на подвиг.
Поляница, поленица — богатырша, богатырь; иноземный богатырь.
Поприще — мера длины (115 шагов).
Порато — очень, сильно, много.
Посадские люди — торговые.
Почесь — без малого; едва не...
Прибранить — победить, побить, одолеть в битве.
Приговаривать — приглашать.
Призатумелиться — запечалиться, загрустить.
Притка — неприятность, беда.
Прокудное — зловредное (напр., действие), наносящее ущерб.
Пропеватели — певцы.

Путевья — сети.
Пядь — мера длины: расстояние между большим и указательным пальцами.

Разрывчатый лук — тугой, упругий.
Ратиться — воевать, биться, драться.
Ратовище — древко копья.
Рогачик — рукоятка у сохи.
Росстань, расстанье — место, где расходятся дороги; перекресток.
Рында — стража; телохранитель, оруженосец.
Рыть — поднимать и бросать (напр., «рыли тело»).
Ряженый — суженый, назначенный судьбой.

Сиверик — северный холодный ветер.
Скатный (напр., жемчуг)— крупный, ровный, отборный.
Слега (сляга) — перекладина, бревно.
Сокрутиться — одеться, нарядиться.
Спорник (спорничек)— соперник, противник.
Сряжаться — снаряжаться, собираться.
Странный человек — странник.
Струги (стружечки)— лодки.
Сукрой хлеба — кусок, ломоть.
Сур — молодец, богатырь.
Сустигать — настигать, догонять.
Сыть — корм, еда.

Тонька — одна закидка невода; сеть.
Торока — ремни у задней седельной луки (отсюда —«приторочить»).
Тумашиться — суетиться, спешить.

Упадка — страх, робость.

Чембуры — повода, за которые привязывают коня.
Чернедь — чернь, толпа, простой народ.
Чуть — слышать.

Шалыга (шелепуга)— плеть, кнут; посох, дубина.

Щаска — удача (от «счастье»).

Яровчатые гусли — гусли из явора, чинары.

Содержание

Б95 **Былины**: для младшего и среднего школьного возраста.— Волгоград: Ниж.-Волж. кн. изд-во, 1987.— 112 с.

Книга знакомит юного читателя с русским народным творчеством. В нее включены былины трудовые, ратные, былины о далеких путешествиях.

Б $\frac{4803000000-019}{М\ 151(03)-87}$ 45—87 82.3Р—6

БЫЛИНЫ

Для младшего и среднего школьного возраста

Редактор *А. Е. Колль*
Худож. редактор *В. И. Волкин*
Техн. редактор *Т. В. Давыдова*
Корректор *Л. А. Лукина*
Мл. редактор *Т. А. Андреева*

ИБ № 873

Сдано в набор 08.07.86. Подписано к печати 10.04.87. Формат 60×108/16. Бумага офсетная № 2. Гарнитура школьная. Печать офсетная. Печ. л. физ. 7,0. Печ. усл. л. 8,4. Усл. кр.-отт. 34,8. Уч.-изд. л. 8,88. Тираж 160 000. (1-й завод 1—40 000). Заказ 3133. Цена 1 руб. 10 коп.

Нижне-Волжское книжное издательство
400066, Волгоград, Советская, 4
Госкомиздат РСФСР.
Полиграфическое производственное объединение «Офсет»
Управления издательств, полиграфии и книжной торговли
Волгоградского облисполкома, 400001, Волгоград, ул. КИМ, 6.

1 р. 10 к.

